

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 12 (6419) 2018

ДӨНЬЯСЫ

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»

Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарами в 985 году («Повесть временных лет»)

Художник Ильнур Сиразиев «Старая Казань».

Мы тоже не святые...

с. 11

Путь к свету

с. 6

Кобзон спел «Галиябану» с. 4

Уникальная коллекция

с. 8-9

Отпуск на Северном полюсе

с. 3

Хади Такташ

Летают белые цветы.
Прекрасен мир.
Любуюсь небом,
Откуда миллионы звёзд
Летят на землю белым снегом.
Пока не вспыхнет зарево весны,
Подснежник-город не проснётся,
И если ночь случилась хороша,
То поутру метелица начнётся...

Белые цветы

Прекрасен мир
Хотя бы потому,
Что вот иду, ругая холод волчий,
А зимний ветер по моим следам
Плетётся тихо-тихо, молча...
Не знаю уж, за что меня он любит так,
Но вечно по следам моим идёт он;
Я в дом зайду — ложится у ворот,
Когда я выйду, терпеливо ждёт он.

Поэтому-то я не выхожу,
А лишь через окно за белыми цветами,
Над улицей летящими, слежу...
Летят цветы,
Прекрасен мир,
Прекрасен он под этим небом,
Откуда миллионы звёзд
Летят на землю белым снегом.

перевод **Л. Мартынова**

КАЗАНЬ

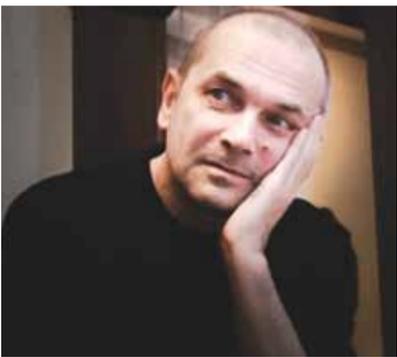
Сразу два памятника выдающимся представителям татарского народа установлены в столице Татарстана. На набережной озера Кабан состоялось открытие памятника известному религиозному деятелю и ученому Шигабутдину Марджани. Установка скульптуры состоялась в рамках празднования 200-летия со дня рождения просветителя. Памятник выполнен из белого мрамора по проекту великого татарского скульптора Баки Урманче. На плитах выгравировано высказывание богослова «Истина и праведный путь превыше

всего». А в сквере у Татарского государственного академического театра оперы и балета им. Мусы Джалиля состоялось торжественное открытие первого в России памятника выдающемуся артисту балета, балетмейстеру Рудольфу Нуриеву. Его создал скульптор Зураб Церетели. В церемонии открытия обеих памятников приняли участие Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов, Государственный советник Республики Татарстан Минтимер Шаймиев, мэр Казани Ильсур Метшин и другие официальные лица.

МОСКВА

Главный режиссер Татарского государственного Академического театра им. Г.Камала Фарид Бикчантаев «За выдающиеся достижения в режиссерском искусстве»

удостоился Международной премии им. Станиславского. Лауреатами также стали британский актер театра и кино Джуд Лоу, художественный руководитель Мариинского театра Валерий Гергиев, народные артисты СССР Марк Захаров, Лия Ахеджакова и другие. Церемония была приурочена 155-летию со дня рождения выдающегося театрального деятеля Константина Сергеевича Станиславского. Театр Камала в третий раз в своей истории получает эту престижную премию. В 1979 году премии были удостоены народный артист России и Татарстана Шаукат Биктемиров, драматург Туфан Миннуллин, режиссер Марсель Салимжанов за спектакль «Старик из деревни Альдермыш», в 1991 году - народная артистка РФ и РТ Алсу Гайнуллина за роль Ларисы в спектакле «Бесприданница».

МОСКВА

Полномочное представительство посетил известный блогер Ринат Галияхметов, известный под ником «Татар Малай». С Ринатом встретился заместитель Премьер-министра Республики Татарстан - Полномочный представитель РТ в РФ Равиль Ахметшин. Равиль Калимуллович рассказал блогеру о работе Полпредства и деятельности, направленной на объединение земляков и соплеменников в Москве. В свою очередь Ринат рассказал о своей основной работе и, конечно, о своем популярном блоге в Инстаграм, который ведет только на татарском языке. Он выкладывает отчеты об интересных событиях в республике,

запускает флешмобы. Сегодня у него более 90 тысяч подписчиков, в числе которых и Президент Татарстана Рустам Минниханов. Основная цель блога - популяризация татарского языка в Интернете и объединение татар со всего мира.

КАЗАНЬ

В Театре оперы и балета имени Мусы Джалиля состоялся финал международного конкурса «Татар кызы 2018». В финале выступили 14 девушек из 11 регионов России и трех стран мира. В ходе конкурса зритель мог оценить в девушках как умение петь, так и умение танцевать. Были задания на находчивость и интеллектуальный уровень конкурсанток. Москву на конкурсе представила победительница Московского регионального тура конкурса «Татар кызы» Адиля За-

бирова. По итогам финала Адиля победила в номинации «Таң чишмәсе». Победительницей финала стала представительница Удмуртии Диляра Гильмутдинова из Ижевска.

АЛЬМЕТЬЕВСК

Подведены итоги 13-й республиканской литературной премии имени Сажиды Сулеймановой. Компания «Татнефть» и Союз писателей Татарстана определили трех лауреатов, трех обладателей поощрительных премий и 10 сулеймановских стипендиатов из числа студентов, добившихся успехов на литературном поприще. Лауреатами стали Рашит Башаров, Гульзада Байрамова, Рафкат Шагиев. Специальную премию получили Екатерина Аничкина, Евгений Турхан, Гэлюса Батталова. На мероприятиях Альметьевске приняли участие - председатель Союза писателей Татарстана Данил Салихов, композитор Масгут Имашев, родные и близкие Сажиды Сулеймановой, руководство Альметьевска и компании «Татнефть», видные общественные деятели, поэты и писатели, театралы и читатели.

ФИНЛЯНДИЯ

«Дни татарского просвещения» прошли в Финляндии. В состав делегации из Казани вошли ученые Казанского федерального университета, Академии наук Республики Татарстан, Института развития об-

разования Республики Татарстан, директора и учителя татарского языка и литературы национальных общеобразовательных организаций. В ходе визита делегация ознакомилась с деятельностью Многофункционального центра города Лахти, Хельсинского университета, Национального агентства по образованию Финляндии, центра татарской общины Финляндии, компании Иску, образовательного кампуса «Образовательное пространство в настоящем». Также состоялась Международная научно-практическая конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Шигабутдина Марджани. Приветствовала и поблагодарила всех участников конференции председатель татарской общины Финляндии Гультан Бедретдин. Главной темой обсуждения на встрече, состоявшейся в Хельсинском университете, стала подготовка учителей. Изучение опыта Хельсинского университета, являющегося одним из ведущих университетов мира в области образования и подготовки учителей, полезно с точки зрения изучения учебных программ и концептуального подхода к подготовке учителей. Также состоялась встреча с Послом Российской Федерации в Финляндии Павлом Кузнецовым.

ЛИССАБОН

В Первой славянской школе столицы Португалии состоялось открытие выставки «Многоцветие татарской национальной культуры» из фондов Елабужского государственного музея-заповедника. Эта выставка стала продолжением череды событий в рамках Дней татарской культуры в Португалии. Мероприятие прошло при поддержке Президента Республики Татарстан Рустама Минниханова, Министерства культуры РФ, Министерства культуры РТ и Россотрудничества. Выставка «Многоцветие татарской национальной культуры» открывает посетителю палитру яркой и многообразной культуры татарского народа. На ней представлено более 60 произведений изобразительного искусства, отражающих национальную культуру, обычаи, традиции и особенности быта татарского народа.

УФА

Завершился VIII Международный фестиваль-конкурс башкирской и татарской песни «Идель». Его участниками стали исполнители, представляющие не только Башкортостан и Татарстан, но и другие регионы России: Москву, Волгоградскую, Саратовскую, Ульяновскую области. В празднике песни состязались и китайские вокалисты Бао Вэнзце и Лю Лу, магистранты Казанской государственной консерватории им. Н. Жиганова. Победительницей конкурса в детской номинации стала шестилетняя участница из Москвы Дания Вахитова, ученица заслуженной артистки РФ и РТ Наиля Фатеховой.

Память

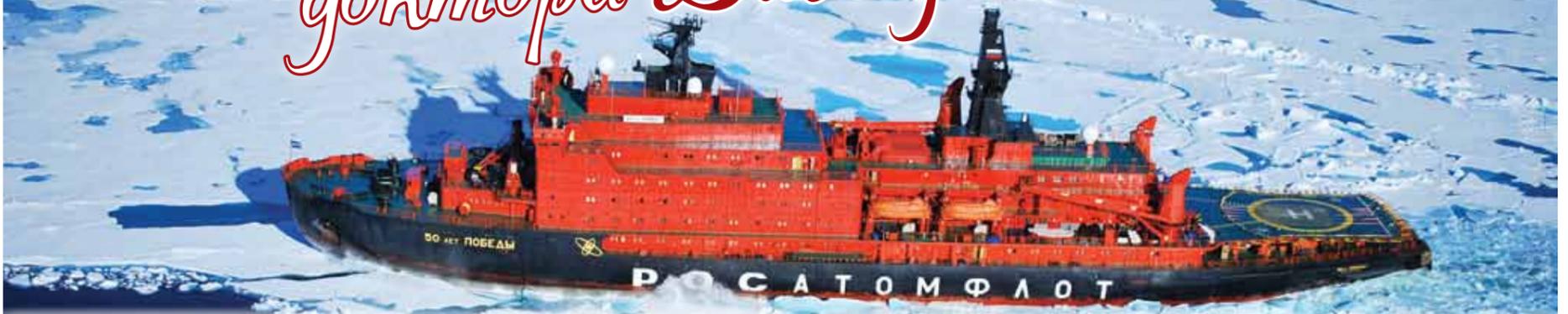
В Москве на 99-м году жизни скончался доктор исторических наук, почетный член Академии наук Татарстана Агдас Хусаинович Бурганов. За годы своей жизни он выпустил более четырехсот научных работ и около 15 книг, писать он продолжал до 98 лет. Агдас Бурганов участвовал в обороне Смоленска, Мурманска, в освобождении Северной Кореи, служил в Порт-Артурской военно-морской базе Тихоокеанского флота (Китай). За участие в Великой Отечественной войне награжден орденом Отечественной войны II степени и 15 медалями.

Родился Агдас Хусаинович Бурганов 17 октября 1920 года в деревне Сарабикулово Лениногорского района Татарской АССР. С 1958 по 1973 годы Бурганов являлся доцентом в Казанском авиационном институте, был заведующим отделом науки и учебных заведений Татарского обкома партии. В 1973 году Агдас Бурганов переехал в Москву, работал доцентом в Московском институте гражданской авиации, затем в Московской консерватории, где в 1985 получил звание профессора. В 1988 году перешел в историко-архивный институт, реорганизованный в 1990 году в Российский государственный гуманитарный университет. В 1966 году Агдас Бурганов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме: «Октябрьская революция и мелкобуржуазные партии». Однако утвердили ее только в 1990 году, когда сняли ограничения на свободную научную и творческую мысль в стране.

Коллектив редакционного совета гезты «Татарский мир» выражает глубокое соболезнование родным и близким, ученикам и соратникам Агдаса Хусаиновича Бурганова.

КРУТЫЕ МАРШРУТЫ доктора Давыдова

Взять летом отпуск и отправиться на Северный полюс. Именно так поступил сердечно-сосудистый хирург, руководитель отдела ангиохирургии Московской городской клинической больницы №13 Алимжан Давыдов. Для того, чтобы попасть в качестве экспедиционного врача на борт атомного ледокола «50 лет Победы», пришлось выдержать серьезный конкурс. Давыдову помогло его многолетнее увлечение дайвингом и международный сертификат мастера подледного погружения. Почти три недели длилась вахта врача на борту ледокола. Был пройден путь от базы Росатома в Мурманске через Землю Франца Иосифа к самой «верхушке Земли» и обратно. О своем незабываемом путешествии, сложной работе хирурга и замечательной семье, корни которой ведут к знатному татарскому княжескому роду, Алимжан Ахтямович рассказал корреспонденту газеты «Татарский мир» Лейсан Ситдиковой.

Арктика

В свободное от хирургии время я позволяю своей нервной системе отдыхать так, чтобы адреналина было не меньше, чем на работе. Если вы каждый день видите, как оживают люди, которые должны были покинуть мир, или как они, увы, умирают, ваша жизнь только в этом - в ощущении экстрима, преодоления невозможного. Я привык к такому образу жизни. В свое время по трое суток дежурил в клинике, пока лимфа не текла из ушей, пока кровь не текла из носа. Но именно так нас учили - если вы не живете в клинике, не оперируете круглосуточно, не спите на жесткой кушетке или вообще на партах в учебных комнатах, из вас путного хирурга не получится. Поэтому, когда мне удавалось получить отпуск, я уплывал, улетал, уезжал куда-нибудь далеко-далеко, где получал такое же количество адреналина, как на работе.

льда - нет охоты. Ученые предрекают, что через 30 лет от ледяного покрова на Северном полюсе ничего не останется и это приведет к драматическим последствиям для всего мира.

Дошли до Тихой бухты на острове Гукера, до знаменитых папанинских мест, где наши полярники оставляли свои подписи. Мы ощутили, насколько необъятна была наша страна до войны. Отсюда в 1930 году Эрнст Кренкель установил рекордную по дальности радиосвязь со своим «антиподом» - американской станцией в Антарктиде. В Тихой стоят вмержшие в лед трактора «Сталин», наши самолеты, там запасов угля - на несколько десятков лет. Мы видели большое поселение с серебристыми от соли и ветра домами для семейных, для холостяков, почтовое отделение... Там была построена даже целая улица для собак с будочками в ряд.

В 41-м году, когда началась Великая Отечественная война, людей там бросили, забыли. А немцы свою экспедиционную группу с соседнего острова Земля Александры забрали, прислав за ними подводную лодку. На момент эвакуации немецкие метеорологи тяжело болели непонятной болезнью, думали - паразитарной. Дело в том, что немцы так вольготно себя чувствовали на острове, что убивая медведя, съедали только его печень. Но они не знали, что печень белого медведя накапливает такое количество витамина А, что он может стать смертельным для человека. А нашим людям было не до жиру - съедали мясо медведя целиком.

Экономия запасы угля, отапливали только жилые помещения, прикладывали максимум усилий, чтобы поддерживать в рабочем состоянии оборудование метеостанции. И в течение всех военных лет они передавали сводки погоды на материк. Там работали до 50 человек, родилось 11 детей. И только в июле 1945 года в бухту Тихую прибыл ледокол «Иосиф Сталин», чтобы вывезти полярников на «большую» землю. В 60-м году станцию закрыли, и все исследования перенесли на остров Хейса. И вот последние несколько лет каждое лето волонтеры из «Русской Арктики» высаживаются в Тихой, которая сейчас имеет статус историко-культурного наследия, и занимаются восстановлением ее первоначального облика. За короткое арктическое лето надо успеть сделать очень много.

Каждый день я просыпался на борту ледокола и видел солнце, засыпал тоже при солнечном свете. Пил горячее молоко, чтобы понять, хочу спать или нет. В сентябре весь этот радостный период заканчивается и наступает полугодовая полярная ночь.

Конечно, я был круглосуточно на рации, любые проблемы с артериальным давлением, ссадины, морская болезнь - это все мои ситуации. На борту есть операционная, стоматологический кабинет, рентген. Но как говорится, Аллаха шекер, в экспедиции, в которой мне довелось работать, ничего серьезного не произошло. А вот в прошлом году по рассказам коллег на борту ледокола случились два инсульта - один у нашего туриста, другой - у немецкого.

Буквально один звонок по спутниковой связи и немцы подняли с ближайшего норвежского мыса вертолет. Через 25 минут, не останавливая ледокол, вертолет сел на палубу и забрал пациента, погрузив его в специальный пневматический кокон. А когда инсульт случился у россиянина, российская страховая компания заявила, что ледокол не приспособлен для подобных манипуляций. Две недели корабль шел до Мурманска, затем 7 часов врачи созванивались и выписывали пропуска для бригады скорой помощи, поскольку на базу Росатома просто так не попасть, и только потом несчастного российского туриста забрали в больницу. Таковы, увы, реалии. Конечно, все туристы, попавшие на борт, сдают какие-то медицинские анализы, проходят обследования, которые организуют компании, занимающиеся арктическим туризмом. Но как-то на все это смотрят сквозь пальцы. Главное, заплатить 50 тысяч долларов и твоя мечта побывать на Северном полюсе реализуется.

В Северном ледовитом океане вода экстремально холодная: минусовой температуры и очень соленая. Она как гелий, который можно потрогать. Под водой ты видишь все эти ледяные замки, уходящие на десятки метров вглубь, обитателей не много: в основном небольшие рачки. Сначала я погрузился без специального оборудования, но долго не продержался. Когда, выходя из воды, я надевал перчатки и носки, слышал хруст своих костей, но ничего не чувствовал.

Больница

В ГКБ 13 я работаю два года - с того момента, как под эгидой главного врача Леонида Семеновича Аронова здесь был создан отдел брахиоцефальной хирургии или хирургии сонных артерий. Отдел возглавил один из ведущих специалистов в этой области Владимир Вениаминович Ахметов. Я покинул ГКБ 57, где работал под руководством академика Игоря Ивановича Затевахина, и пошел постигать азы одного из опаснейших направлений сосудистой хирургии. С уходом Ахметова в 20-ю больницу, возглавил отделение.

Благодаря Ахметову в нашем отделении был задан невероятный ритм: около 400 операций в год. Надеюсь, с его уходом, мы не потеряли ни качество, ни скорость. Большой поклон учителю и огромное спасибо! Все необходимое оборудование в клинике есть, поэтому мы можем и готовы помочь человеку с любой венозной или артериальной патологией. Администрация поддерживает нас во всем и двигает вперед, а мы готовы помогать людям.

Каждый день больница дарит невероятные эмоции. Недавно оперировал пациента, которому 97 лет, он прошел все войны, и даже ГУЛАГ. Пережив все эти ужасы, с бляшечкой в сонной артерии он обратился к нам за помощью со словами: «Я не хочу превратиться в растение, хочу жить». Иногда пациенты в 60 лет ноют и говорят: «Да мне ничего не нужно, я уже пенсионер». А тут такой характер, такая энергетика. Наш легендарный дедушка-фронтовик был прооперирован и благополучно вернулся домой. Вот человек, жизнелюбю которого всем нам учиться и учиться. Каждый случай в больнице индивидуален. Если интересна работа, то все будет получаться.

О предках

Я девятый Давыдов в семье или, как говорят по-татарски, тугузынчы буын. На моей памяти бабушки и дедушки никогда не обращались друг к другу по имени, только с приставкой «мурза». Позже я узнал, что это слово означает княжеский титул у тюркских народов. Дауд мурза, потомком которого я являюсь, был послом Ногайской орды к Ивану Грозному. Нас еще называют темниковские

На Северном полюсе

татары по названию города Темников в Мордовии. Никогда там не был, мечтаю съездить посмотреть. Прабабушка моя, я ее еще застал, вместе с подругами, дочерью купца Сатина и дочерью князя Волконского, закутавшись в пелерины, ездили «в театр». У одного из моих бабаев были свои почтовые станции на Астраханском тракте, где он содержал лошадей и ямщиков. В конце 17 века мои предки переселились на юг Тамбовской губернии и обосновались в деревне Новая Уразовка или Яңа Ураз. А мамина сторона - это нижгар татарлары. Она родом из древнейшего татарского поселения Урга в Княгининском районе Нижегородской области. Поэтому, если говорить простым московским языком, я наполовину горьковский, наполовину тамбовский. Тамбов буреларе һәм горький татарлары без.

Мои родители познакомились и поженились в Москве. Мама Рауза Абдульбареевна Абдурахманова - инженер связи, работала в МГТС и Ростелекоме. А папа, Ахтям Алиакбарович Давыдов - выпускник Борисоглебского летного училища имени Чкалова, бывший летчик-испытатель, отслуживший в «горячих точках». Затем после окончания Московского университета гражданской авиации работал инженером в Конструкторском бюро имени Туполева.

Стараемся в семье поддерживать все татарские традиции. Если кто-то из родни переходит с татарского на русский, заговаривается, его всегда возвращают обратно, и это не обидно, это приятно. Когда случается свободное время, беру в охапку всю семью и идем смотреть татарские спектакли и концерты. Недавно я определился - нашел девушку, с которой готов провести всю свою жизнь. Мы прочитали никах. Она 100-процентная татарка. Не поверите, в Москве нашел.

Сейчас меня приглашают в экспедицию в Антарктику. В России будет жуткая зима, а там кошмарное лето. Это самый экстремальный по температурному режиму континент, Арктика по сравнению с Антарктикой - конфетно-букетный период в сравнении с семейной жизнью... Если в августе температура на Северном полюсе на льду была где-то минус три, то в Арктике летом стоит пятидесятиградусный мороз. Пока думаю, идти или нет. Нужно ведь снова брать отпуск, а я не могу надолго оставить своих больных.

В экспедиции на Северный полюс впервые в жизни увидел, как ледокол «пропускает» себе пузом дорогу. Как тюлень, он наползает на лед и огромной массой корпуса продавливает лед толщиной до трех метров. Если не хватает мощности, он набирает забортную воду и пытается сделать это еще раз. Ледокол «50 лет Победы» на сегодня крупнейший в мире. На этой машине высотой с 12-этажный дом есть все для комфортной жизни: конференц-зал, библиотека, сауны, спортзал и даже бассейн... Если вы боитесь мороза и ветра, можно не выходить из каюты. Но выходить надо, чтобы видеть, как ломается этот многовековой иссиня-голубой лед, который, кажется, кто-то специально покрасил. Видеть нерп или этих «северных дельфинов» - белух, или китов, или галдящие «птичьи базары» на базальтовых скалах. На борту ледокола были американцы, люксембургцы, канадцы, итальянцы, англичане. Была масса интересных людей: ученые Массачусетского университета и Арктического и Антарктического института Санкт-Петербурга, команда национального парка «Русская Арктика». Очень много туристов, которые путешествуют целыми семьями, взяв с собой детей.

Этим летом в Заполярье стояла аномальная жара, столбик термометра в Мурманске перевалил за отметку 36 градусов тепла, установив рекорд за минувшие 20 лет. В округе высохли болота, исчезла морозка. Моряки говорили, что Баренцево море стало горячим. Дойдя до Северного полюса, мы увидели грустную для всех ученых на нашем корабле картину. Истощенный от голода полярный медведь, закрыв голову лапами, дрейфовал на одинокой льдине. Нет

Раил Вахитов, член Союза писателей России

Нет, не забыть мне эти встречи...

Иосиф Кобзон приехал на 70-летие Ф.А. Табеева и исполнил для своего друга-юбилера татарскую песню «Галиябану»

Я работал над книгой о Ф.А. Табееве. Зная, что у Фикрята Ахмеджановича давние дружеские отношения с И.Д. Кобзоном, я попросил у него телефон великого маэстро, чтобы встретиться и взять интервью. Набрал номер телефона, стал объяснять Иосифу Давыдовичу о цели своего звонка и что его телефон мне дал Фикрят Ахмеджанович.

- Очень рад! Я к Вашим услугам, подъезжайте, - ответил Кобзон и стал подробно объяснять, как мне доехать до него. А скоро я уже поднимался на лифте к нему в кабинет в гостинице "Пекин".

- Проходите, проходите смелее, - пригласил Иосиф Давыдович, медленно выходя из-за письменного стола. - Чай или кофе? - посмотрел он, держа мою руку в своих чуть-чуть дрожащих ладонях.

В растерянности и, не зная, что ответить, я молча пожал плечами. Великий маэстро, видимо, поняв моё состояние, улыбнувшись, сказал секретарше: "Пожалуйста, принеси нам и чай, и кофе. Пить, так пить! Чего мелочиться?"

- А теперь я готов до утра рассказывать Вам о моём друге Табееве, - пододвинул Кобзон свой стул ближе в мою сторону. - О нём надо писать не одну, а десятки книг и то будет недостаточно.

Пока я думал с чего начать интервью, Иосиф Давыдович стал рассказывать:

- Близо познакомился с Фикрятом Ахмеджановичем в Кабуле, куда я впервые приехал с концертом для советских военнослужащих. С первых дней войны в Афганистане Табеев был там Чрезвычайным и Полномочным послом СССР. Хотя его ежедневная и почти круглосуточная работа была расписана по минутам, он выкроил время лично встретиться артистов из Москвы, устроить нас по номерам в посольстве, а после пришёл на наш концерт. Конечно, петь для аудитории, где сплошь и подряд смотрели на тебя искалеченные молодые ребята, многие из которых были без рук или ног или почти полностью перебинтованные, было непросто. Впервые для меня было очень трудно петь. После этого концерта решил, что больше никогда не приеду в Афганистан.

Когда наша труппа уезжала из Кабула, ко мне подошёл Табеев и, своей богатырской рукой сжимая мои ладони, сказал: "Спасибо за прекрасный концерт, Иосиф Давыдович, от меня лично и от наших солдат!

Мы бы хотели чаще слушать замечательные Ваши песни, приезжайте ещё".

Тем не менее я уезжал с мыслями, что эта была моя первая и последняя командировка в Афганистан. Вернувшись домой в Москву, постоянно вспоминал радостные глаза раненных молодых ребят, доброе рукопожатие и слова Табеева. Я знал, что все они хотели бы вновь встретиться с артистами из Москвы, из России. Взвесив всё, понял, что там нас ждёт самая благодарная и самая лучшая аудитория слушателей, там мы были очень нужны. Мы для них были частью их Родины, дорогих и любимых людей, родных и близких. И я вновь поехал в Афганистан...

Хотя я и дал себе зарок, что съезжу ещё повторно и всё! Но побывал там ни мало, ни много, а девять раз, - смеялся Иосиф Давыдович, вспоминая те поездки и концерты перед советскими военнослужащими. - И всегда нас - артистов встречал лично Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Афганистане Табеев. Мы с Фикрятом Ахмеджановичем ещё больше подружились, а иначе и не могло быть. Он любого располагал к себе своей обаятельной улыбкой, отеческим вниманием и заботой. Мне тоже хотелось взаимно сделать для него что-нибудь приятное, - продолжал рассказывать Кобзон, - и в одну из поездок в Афганистан привёз ему в подарок казанскую тальянку - гармонь и спел татарскую народную песню "Галиябану".

- Вы с Кобзоном были и остались близкими друзьями. Это правда, что он подарил Вам татарскую тальянку и спел песню "Галиябану"? Я не знал, Фикрят Ахмеджанович, что Вы плюс ко всему ещё хорошо играете и на гармошке? - как-то спрашиваю Табеева.

- Это твой друг хорошо играл и на гармошке и на баяне (Беляева Р.К. - бывшего первого секретаря Набережночелнинского горкома партии Табеев обычно называл моим другом), а я... так, средне, - смеялся Фикрят Ахмеджанович. - А Иосиф Давыдович всё ж перепутал тогда инструменты и вместо тальянки привёз мне хромку.

- Они же, вроде, по внешнему виду ничем не отличаются?! Любимый мог ошибиться, - защищаю Кобзона, - разве что хромку делают в Туле, а тальянку - в Казани.

- Не скажи! - перешёл на серьёзный лад Табеев. - По внешнему виду - да, но по звучанию

они отличаются очень и очень. Берёшь тальянку, нажимаешь на клавишу и растягиваешь меха - звучание одно. Затем, не отпуская эту клавишу, сжимаешь меха - звучание то же самое. А у хромки на одной и той же клавише разная высота звука и при растягивании, и при сжатии мехов. А вот песню "Галиябану" он пел очень талантливо, - продолжил вспоминать Фикрят Ахмеджанович. - Эту старинную нашу песню не все-то татарские певцы могут так мелодично исполнять, как это умеет Иосиф Давыдович. Дар этот был дан ему Всевышним, а иначе и не скажешь. Кстати, хочу похвастаться, что Кобзон частенько приезжал на мои дни рождения и пел именно эту песню, видимо, догадываясь, что "Галиябану" - одна из моих самых любимых песен...

- Да, чуть было не забыл, Иосиф Давыдович просил передать моему большому татарскому другу большой-пребольшой привет, - говорю Табееву, когда он завершил свои воспоминания о некоторых эпизодах их встреч в Афганистане, а после в Москве.

- Спасибо! А как он себя чувствует, как здоровье моего друга? - поинтересовался Фикрят Ахмеджанович. Оба они чаще обращались взаимно друг к другу не по имени, а словом "мой друг". Поэтому отвечаю, что его друг жив, здоров, но, кажется, побаливает, а может быть, так мне показалось. После этих моих слов о здоровье Кобзона, заметил в глазах Табеева щемящую грусть и тоску. "Зря я так про здоровье Кобзона ляпнул", - упрекнул я тогда себя.

Следующая наша встреча с И.Д. Кобзоном состоялась буквально через месяц после интервью. На этот раз Иосиф Давыдович позвонил сам, немало удивив меня таким вниманием к моей персоне...

- Как продвигается книга о моём друге, - слышу в трубке голос Кобзона, - есть ли проблемы с её изданием? Если будут вопросы, то в любое время подъезжайте ко мне, адрес мой знаете, номер телефона у Вас есть.

А скоро мне действительно пришлось, по совету бывшего первого секретаря Татарского обкома ВЛКСМ Валерия Кузьмина, вновь побывать у Кобзона с письмом на имя Президента Татарстана Р.Н. Минниханова с просьбой помочь издать книгу о Ф.А. Табееве.

- Молодец! - похвалил меня Иосиф Давыдович, ознакомившись с письмом, - а вот тут на обращении напишем Президенту Татарстана, что я всецело поддерживаю ипаташа Вахитова. - Затем стал медленно, крупными (я бы даже сказал - огромными) буквами писать и размашисто расписался: «Депутат ГосДумы РФ, народный артист СССР Иосиф Кобзон».

Чуть позже на этом письме появились визы Б.Н. Пастухова - бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ, В.В. Кузьмина - бывшего первого секретаря Татарского обкома ВЛКСМ, С.А.

Трещёва - лётчика-космонавта, Героя РФ), М.А. Гареева - президента Академии военных наук, Р.С. Акчурина - бывшего Главкомандующего зенитно-ракетными войсками и других друзей Ф.А. Табеева.

Поблагодарив Иосифа Давыдовича, я только собрался уходить, как он, взяв меня за локоть, спрашивает, есть ли к нему ещё какие вопросы или просьбы... "Была ни была", - подумал я и сказал, что никак не могу разыскать свой бывший интернациональный экипаж танка, что обращался и на передачу "Жди меня", но пока безрезультатно.

- Хорошо! - улыбнулся Кобзон, - помогать интернационалистам обязательно надо. А кто они такие?

- Улдис Ванаг - латыш, механик-водитель, - стал перечислять я, - Генрих Цегловский - поляк, наводчик орудия, Юргис Высоцкис - литовец, заряжающий и я - татарин.

Буквально на другой день мне позвонили:

- Вы Вахитов? Вы друг Кобзона! - слышу в трубке. - Я - Кваша - ведущий первого канала "Жди меня".

- Извините, - отвечаю ему, - я не могу причислить себя к списку друзей Кобзона. Просто, благодаря Табееву...

В гостях у Иосифа Кобзона. Москва. 2012 год. Справа от Иосифа Давыдовича - друг и соратник Табеева по Афганистану Магомед Абович Парагульгов, которого Фикрят Ахмеджанович уважительно называл «главным снабженцем» Афганистана, слева Раил Вахитов.

Иосиф Давыдович дал номер вашего телефона и просил помочь найти членов экипажа вашего танка. Запишите мой домашний адрес и приходите ко мне сегодня же...

Уже чуть позже, когда книга о Табееве была напечатана, я рассказал ему о роли Кобзона в её издании и о том, как он помог мне в поисках экипажа танка.

- Это в духе Иосифа Давыдовича помогать всем и всегда! - улыбнулся Фикрят Ахмеджанович. - Он никому и никогда не отказывал в помощи. Вот и его приезды с концертами в Афганистан говорит о доброте души Кобзона, его человечности. Ведь большинство людей, побывавших хоть один раз в этой стране, где шла страшная братоубийственная война, старались больше не приезжать. Кобзон так поступить не мог.

В этот день Табеев много рассказывал о Кобзоне, о его концертах в посольстве, в воинских частях и даже перед местным населением - афганцами.

- А был ещё и курьёзный случай с ним, - на лице Табеева озарилась добрая улыбка. - В один из его приездов в Афганистан мне срочно надо было ехать на встречу с местным руководством. Поэтому попросил своего помощника устроить наших артистов в посольстве, накормить и составить с Кобзоном график концертов. Когда вернулся в посольство, мой помощник весь бледный и пере-

пуганный докладывает, что Кобзону стало очень плохо и что он вот-вот может умереть. Тут же вбегаю в номер Кобзона и вижу, что состояние Иосифа Давыдовича, действительно, тяжёлое. Из объяснений своего ретивого помощника узнаю, что он сначала устроил Кобзона в гостинице и пригласил на обед, во время которого, проявив необдуманную инициативу, налил в фужер гостя спирт. А в эти дни в Кабуле стояла почти пятидесятиградусная жара. Добродушный Иосиф Давыдович или не знал о содержимом фужера, или не мог отказать гостеприимному хозяину, выпил. Я тут же звоню командующему 4-й армии и прошу срочно прислать военную машину с запасным глухим воротам, а не к главным.

- А что, в посольстве не было врачей, что решили просить помощь у военных? - удивлённо посмотрел я на Табеева, - и зачем машину к запасным глухим воротам, а не к просторным - парадным?

Своим ответом Фикрят Ахмеджанович ошарашил меня (другого слова не найду).

- Конечно, в посольстве были врачи, профессионалы своего дела, - стал объяснять Табеев, - но большинство из них приехали из столицы, многих я не

знал. И где гарантия, что кто-то из них не пустит слух, что Кобзон здесь пьянствует, чуть не умер от перепоя, не ездит с концертами по воинским частям, где может в любое время быть убитым. Человека легко облить грязью, а вот восстановить доброе имя бывает очень и очень трудно. Видимо, я уже рассказывал тебе, как один из учёных КГУ пришёл как-то ко мне в обком с предложением перевести на татарский язык "Капитал" Карла Маркса, - продолжил объяснять Фикрят Ахмеджанович. - Я сказал ему, что нам бы надо сначала перевести на татарский язык произведения зарубежных писателей, включённых в школьную программу, а после, если позволят финансы, то перевести и "Капитал".

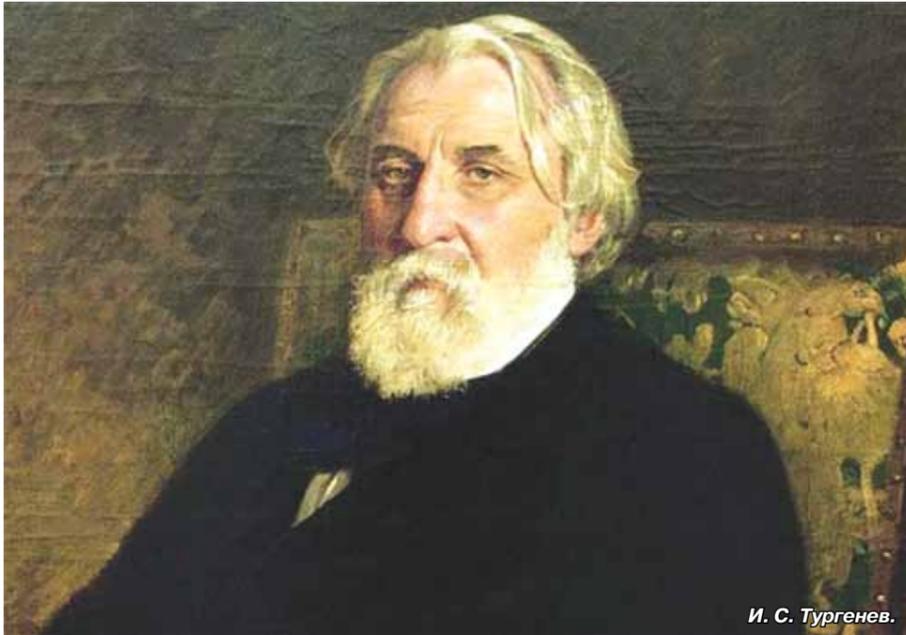
После моего отказа он мог спокойно обвинить меня в не любви к родному языку. Хотя... иногда бывали поползновения таких слухов. Я люблю татарский язык, как сказал Габдулла Тукай: мой родной язык, язык отца и матери. Я люблю и хорошо знаю свой родной язык, знаю и Коран, могу на память прочесть многие суры из него.

Я слушал его и радовался судьбе, благодаря которой был близко знаком с двумя великими сынами России: Фикрятом Ахмеджановичем Табеевым и Иосифом Давыдовичем Кобзоном!

г. Набережные Челны

Марат Ширинский, краевед

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТУРГЕНЕВСКОЙ МОСКВЕ

И. С. Тургенев.

Верная и полезная складывается в Москве традиция – отмечать юбилеи классиков не столько пышными однодневными мероприятиями, но модернизацией музейных пространств, возрождением былых туристических маршрутов, привлечением внимания к памятникам архитектуры, связанным с литературной историей. 200-летие Ивана Сергеевича Тургенева, прошедшее совсем недавно, подарило горожанам тщательно и бережно отреставрированный музей писателя на Остоженке. Уже в первый день открытия его посетили более 600 человек. В коллекции музея – нотный альбом Полины Виардо, оригиналы писем Тургенева к Белинскому, Некрасову, братьям Аксаковым и другие раритеты XIX века. Хранятся в доме и экспонаты нашего времени, например, костюмы тургеневских барышень и голливудского актера Рэйфа Файнса из замечательного фильма Веры Глаголевой «Две женщины», снятого в 2014 году по мотивам пьесы «Месяц в деревне».

В доме, расположенном по адресу Остоженка, 37, с 1840 по 1850 гг. жила мать Тургенева, Варвара Петровна. Чудом сохранившийся деревянный ампирный особняк – настоящая жемчужина литературной Москвы. «У меня прекрасный, маленький московский дом... в котором всегда воздух ровен, тепло, светло, сухо, покойно...» – сообщала Варвара Петровна сыну в Берлин. Первый раз Тургенев посетил дом на Остоженке в мае 1841-го, затем часто бывал у матери поездками из Петербурга в Спасское-Лутовиново и обратно, прожил в доме две весны – 1844-го и 1845 годов. В архивных документах середины XIX века указано, что дом «построен на каменном фундаменте, покрыт железом, фасады не оштукатурены, а обшиты

тёсом». Известно, что в доме была приёзная, за которой располагался парадный зал, служивший столовой. К столовой примыкала трёхконная гостиная, а смежная с ней угловая комната служила Варваре Петровне спальней. Комнаты писателя располагались в антресолях, окна выходили в сад.

Именно в этом доме родилась единственная дочь Тургенева Пелагея, чья мать Авдотья Ермолаевна Иванова была белошвейкой из Спасского-Лутовинова. Раннее детство девочка провела в родовом имении Варвары Петровны на положении крепостной. Частенько, когда у помещицы находились гости, она велела одевать Пелагею в чистое платье, и девочку выводили в гостиную, а Варвара Петровна, забавляясь, просила гостей определить, на кого та похожа.

В первый раз Тургеневу сказали, что Пелагея – его дочь, когда той было уже восемь лет. Иван Сергеевич пришёл в негодование от положения, в котором находился его кровный ребенок: в письме к своей возлюбленной Полине Виардо он говорил, что лутовиновские слуги злорадно дразнили Пелагею «барышней», а кучеры «преднамеренно заставляли таскать непосильные ей ведра с водою». Было решено, что в поместье девочка не останется, и писатель решил отвезти дочь во Францию, к Полине Виардо, которая обещала воспитать из неё благородную девицу. С восьми лет девочка воспитывалась во Франции вместе с детьми Виардо. Тургенев изменил её имя с Пелагеи на Полину (Paulinette), что казалось ему более благозвучным. Она всю жизнь провела в Европе, напрочь забыла русский язык и умерла в 1919 году. Внуки Тургенева Жорж-Альбер и Жанна – потомков не имели. Жорж-Альбер умер в 1924 году.

Жанна Брюэр-Тургенева так и не вышла замуж; жила, зарабатывая на жизнь частными уроками, так как свободно владела пятью языками. Она даже пробовала себя в поэзии, сочиняла стихи на французском. Умерла в 1952 году в возрасте 80 лет, а с ней оборвалась и родовая ветвь Тургеневых по линии Ивана Сергеевича. Впрочем, память о русском европейце во Франции бережно сохраняется – в парижском пригороде Буживале, на даче, где Тургенев умер в 1883 году, работает уже более 40 лет музей писателя.

Вернемся, однако, в дом на Остоженке. Около двух месяцев провел Тургенев в московском доме после кончины Варвары Петровны в ноябре 1850 года, оформляя наследственные бумаги. В гостях у писателя бывали тогда Грановский, Щепкин, братья Бакунины, Аксаковы и другие известные личности. После 1851 года Тургенев больше никогда не возвращался в дом на Остоженке, и участок перешел к его дальним родственникам, а затем был продан двоюродному брату поэта Евгения Баратынского.

От Крымского Брода он повернул по берегу, дошёл до одного места, где стояли две лодочки с веслами, привязанными к колышкам... и вскопал в одну из них вместе с Муму. Хромой старичишка вышел из-за шалаша, поставленного в углу огорода, и закричал на него. Но Герасим только закивал головою и так сильно принялся грести, хотя и против течения реки, что в одно мгновение умчался саженью на сто.

...Герасим всё грёб да грёб. Вот уже Москва осталась позади. Вот уже потянулись по берегам луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повевало деревней».

Родословная Ивана Сергеевича все же лучше узнается в орловской усадьбе его матери – известном всем Спасском-Лутовинове. Именно семья матери, род Лутовиновых, наиболее знакома ценителям творчества Ивана Сергеевича. В московском Донском монастыре сохранилась могила и примечательный памятник его матери, вошедшей в историю русской литературы образом властной барыни («Под камнем сим покоится тело

Дом Тургенева на Остоженке.

В 2007 году вышло распоряжение Правительства Москвы «О создании музея «Дом И.С. Тургенева» по адресу: ул. Остоженка, д. 37/7». Масштабный проект реконструкции городской усадьбы стал реальным, когда в 2014 году был опубликован Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина «О праздновании 200-летия со дня рождения И.С. Тургенева». Благодаря Правительству Москвы при поддержке Департамента культуры и Департамента культурного наследия города Москвы в короткие сроки проведена научная реставрация особняка, реконструкция прилегающей территории, создана экспозиция нового музея. 10 ноября этого года Владимир Путин и Сергей Собянин открыли после реставрации дом-музей Тургенева на Остоженке и первый в столице памятник писателю. Открытие музейного комплекса вошло в программу юбилейных мероприятий.

Так сложилось, что московский дом Тургенева стал не только местом действия повести «Муму», но и фактическим символом этого классического произведения – старые москвичи всегда называли этот примечательный особняк «домом Муму». Тургенев так описывает путь Герасима (в жизни его звали Андреем), почти топографически следуя окрестностям дома на Остоженке:

«Дойдя до угла улицы, он остановился, как бы в раздумье, и вдруг быстрыми шагами отправился прямо к Крымскому Броду. На дороге он зашёл на двор дома, к которому пристроивался флигель, и вынес оттуда два кирпича под мышкой.

полковницы Варвары Петровны Тургеневой»).

Читатели нашей газеты, интересующиеся родословной писателя по отцовской линии, вероятно, знают о старых татарских корнях его дворянского рода. Фактически в России сложились четыре рода Тургеневых, различного происхождения, но связанные с ордынцами. Иван Сергеевич Тургенев происходил от далеких потомков татарского мурзы Арслана Тургена – в крещении Ивана Тургенева, выехавшего из Золотой Орды к московскому князю Василию II Тёмному (1425-1462).

На этом татарские сюжеты рода Тургеневых не заканчиваются, тесно перекликаясь со сложной и ныне лишь прямолинейно понимаемой историей русско-татарских средневековых отношений. Пётр Дмитриевич Тургенев, козельский сын боярский, был послан в 1551 году к ногайским мурзам угонять их не идти на помощь казанскому царю и потерпел в Орде «великое поругание» от князя Юсуфа, отца казанской царицы Сююмбеки. В 1554-1555 гг. этот же Пётр Дмитриевич был с полком в Астрахани, при последнем астраханском хане Дервиш-Али, пришедшем к власти при помощи русских войск.

Не только дом на Остоженке хранит в Москве память о Тургеневе. Агентство «Мосгортур» столичного Департамента культуры разработало подробный маршрут по тургеневской Москве. Им можно воспользоваться и после завершения юбилейных мероприятий.

Интерьеры московского дома-музея И.С. Тургенева

Исмагил Шангареев, культуролог, общественный деятель

Хадж всегда имел огромное значение в духовной жизни мусульманских народов, особенно тех, которые находились вдали от святых мест. Больше тысячелетия хадж являлся одним из важнейших факторов интеграции в мусульманском мире, благодаря которому осуществлялась живая связь мусульман в разных концах света, расширялось информационное пространство мусульманского мира. Это был духовный подвиг для многих, кто во имя веры вставал на Путь не легких испытаний. Путь, который многие, буквально проходящие пешком, преодолевая тысячи километров.

Хадж во все века был особым знаком любви и преданности Аллаху. Это было искреннее стремление отдать дань почитания пророку Мухаммаду (мир ему и благословение Аллаха), который сказал: «Кто посетит мою могилу, тот словно навестит меня. Кто приветствует меня, того я услышу».

Среди паломников было немало людей легендарных. Так в 1494 году Казанская и Крымская ханша Нурсултан в сопровождении брата Хусейна и свитой в составе 50 человек совершила хадж в Мекку и Медину через Каир. Известно, что после этого она в переписке с русскими царями именвала себя «царица Азии» хаджия.

Имам Каляметдин хазрат

До переворота 1917 года священные места в Мекке и Медине входили в состав Османской империи. Непосредственно организацией хаджа ведали так называемые «далили», которые специализировались по различным народам, исповедующим ислам. Существовала и успешно функционировала вакуфная инфраструктура в Мекке и Медине. Доподлинно известно по крайней мере о 9 вакуфных домах для паломников казанских татар в Мекке. В Медине была казанская мечеть и медресе, а также 3 вакуфных дома.

Большую положительную роль в деле организации хаджа из Российской Империи сыграло российское консульство в Джидде. Первым консулом становится татарин Шагимурат Ибрагимов, назначенный высо-

Хадж - Путь к Свету

чайшим указом от 22 ноября 1890 года. Надо особо отметить, его непреходящий вклад в дело изучения культуры и национальных традиций тюркских народов Центральной Азии. Благодаря благосклонной поддержке российского императора, хорошо отлаженной системе маршрутов и вакуфной инфраструктуре хадж совершали многие известные мусульманские деятели России: Шигабутдин Марджани из Казани, шейх Кунта хаджи Кишиев, имам Шамиль из Чечни, шейх Зайнулла ишан Расулев из Башкирии и др.

Согласно литературным и архивным источникам в XIX веке паломничество российских мусульман совершалось в основном по трём общепринятым маршрутам:

по Закавказью и северной части Персии через узловой пункт Кирманшах и пограничный с Турцией город Ханекин, по направлению на Багдад, а затем далее через пески Аравии — в Мекку и Медину;

через Самарканд и Бухару в Афганистан через Мазари-Шариф, Кабул и Пешавар в Бомбей, а оттуда морем в Джидду или Ямбо, служащие гаванями для Мекки и Медины;

из портов Черного моря через Стамбул и Суэц в Джидду или Ямбо, далее в Мекку и Медину.

Падение Российской Империи сопровождалось уничтожением практически всех государственных общественных институтов власти. 9 августа 1924 года уроженец Уфимской губернии татарин Карим Хакимов вручил верительные грамоты королю Хиджаза из династии

Хашимитов и стал Генеральным консулом и дипломатическим представителем СССР в королевстве.

Начав работать в королевстве (название Саудовская Аравия появится лишь 1932 году) Карим Хакимов, который был не только красным дипломатом, но и бывшим слушателем в медресе знаменитого села Каргалы (Оренбургская область), совершил паломничество умра — «малый хадж» в Мекку, чем завоевал расположение арабского руководства, а в 1926 году провел большую дипломатическую работу — СССР первым признал новое государство — Королевство Хиджаз.

Усилия Карима Хакимова принесли свои плоды: в 1927 году после 10-летнего перерыва стали перевозить паломников через одесский морской порт. Однако в отличие от Россий-

Карим Абдрауфович Хакимов

ской Империи, где хадж развивался по нарастающей, в СССР шло резкое сокращение паломников, и в начале 30-х годов путь в Мекку и Медину закрылся «железным занавесом».

В 1938 году Генеральный консул Карим Абдрауфович Хакимов был отозван в Москву и практически тут же расстрелян, но то, что он сделал для мусульман России в послереволюционные годы, должно остаться в нашей памяти как подвиг истинного мусульманина.

Возобновление хаджа в СССР стало возможно лишь в 1945 году, когда небольшая группа хаджиев во главе с муфтием Эшоном Бабаханом ибн Абдулмахидханом смогла отправиться в хадж. С этого момента и до 1990 года из СССР совершили хадж около 900 советских граждан. Конечно, это ничтожное количество, но такова история страны, где люди, получая высшее образование, сдавали зачеты и экзамены по атеизму.

В первые же дни Великой Отечественной войны, выполняя поручение Сталина, Курултай мусульман, руководимый Эшоном Бабаханом, выступил с обращением к мусульманам: «Плечом к плечу со всеми народами сражайтесь, как храбрые львы, против нацистских захватчиков, уничтожайте ненавистных фашистов так, чтобы ни один из них не остался на нашей планете! Защищайте каждую пядь нашей земли и укрепляйте свои ряды железной дисциплиной. Мы призываем всех верующих молиться Аллаху и просить Его помочь нашим солдатам и ниспослать быструю победу над врагом».

Мой отец Каляметдин хазрат не просто стоял в одном ряду с теми, кто участвовал в перемнах, начатых Эшоном Бабаханом ибн Абдулмахидханом, но и первым отозвался на призыв Курултая мусульман.

Полагаю, немного было таких имамов, как Каляметдин хазрат, которые не просто молились за победу, а с автоматом в руках добывали ее в боях на полях сражений Великой Отечественной войны.

Думаю, что, пройдя войну, получив тяжелые ранения, отец понимал, как непросто было Эшону Бабахану в 1945 году организовать хадж. Наверное, легче было головой пробить стену, чем убедить советских чиновников в необходимости

возобновления хаджа. Зато король Абдель-Азиз ибн Сауд во время приема сказал Эшону Бабахану ибн Абдулмахидхану, что отныне для мусульман его страны Саудовская Аравия открыта для посещения.

История хаджа в СССР — это не только «дорога преодоления» в стране воинствующего атеизма, но и порой яркая история отдельных людей, для которых хадж стал мерилом истины в их жизни. В этой связи большой интерес представляет статья Вячеслава Ахмадулина «Хадж специального назначения».

Новейшая история отечественного хаджа начинается в 1990 году, когда дипломатические отношения СССР и Саудовской Аравии, разорванные в 1937 году, были официально восстановлены, и первая рекордно большая группа мусульман из Советского Союза в количестве 1 500 человек смогла посетить святое место со спокойной душой. За спиной больше не маячил плакат «религия — опиум для народа», проржавевший «железный занавес» должен был вот-вот рухнуть.

Саудовская Аравия в лице короля Фахд Аль Сауда расплакала двери, профинансировав хадж из СССР в 1990 году. Мне выпала большая честь участвовать в этом историческом хадже, который запомнился особым духовным подъемом и радостью обновления духовной жизни в стране, где нам довелось родиться и верить в Бога вопреки официальной идеологии и атеистической пропаганде.

В этом знаменательном хадже было не мало такого, что значительно повлияло на мою судьбу. Наверное, главное, это то, что я исполнил самую заветную мечту моего отца — Имама Каляметдина хазрата, который всю жизнь ждал, когда откроется дорога в Мекку и Медину. Фронтные раны не позволили ему дожить до 1990 года. Он ушел в 1986 году, но его мечта осталось со мной и моими братьями, которые осуществили ее, совершив хадж к святым местам, неся в своих сердцах светлый образ отца — служителя Аллаха и достойного воина.

Второе, что надо особо отметить — это то, что хадж 1990 года пролегал через Объединенные Арабские Эмираты, страну где я обрел свой второй дом, никогда при этом не забывая о Родине.

Третье, и тоже очень значимое для меня — это общение в пути, с тогда еще молодыми, но уже

интеллектуально глубокими и харизматичными духовными лидерами России — Председателем Управления международных связей мусульманских организаций СССР Талгатом Тажуддином, который в наши дни является Верховным муфтием России, и Главным имам-хатибом московской соборной мечети Равилем Гайнутдином, который в наши дни является Председателем Совета муфтиев России.

Нельзя не отметить, что каждый исторический хадж в XX-м столетии имел своего инициатора, человека, который, как правило, прилагал огромные усилия, чтобы путь к святым местам открылся для паломников. В 20-е годы это был Карим Хакимов, в 45-том году Эшон Бабахан ибн Абдулмахидхан, в 90-том году Талгат Тажуддин.

Отправляясь в путь с Талгатом Тажуддином к святым местам, я уже тогда оценил его глубокие знания истории и теории ислама. Достаточно сказать, что его любимое богословское сочинение — «Оживление наук веры» («Ихья улюм ад-дин») знаменитого Мухаммеда аль-Газали. Тот, кто углублялся в мир исламских идей не может по достоинству не оценить этого факта. Но главным, на мой взгляд, в деятельности Талгата Тажуддина является его способность выстраивать продуктивные диалоги культур и религий. И, видимо, вполне закономерно, что Русский биографический институт номинировал его как «Человека года-2001» за укрепление межрелигиозных связей и миротворческую деятельность в номинации «Религия».

В те памятные дни мы удостоились приема короля Фахд Аль Сауда, который приветствовал начало интеграции в пространстве мусульманского мира, радуясь, что мусульмане СССР смогут исполнить свой долг перед Аллахом, посещая святое место в Мекке и Медине. Нас очень тепло принимали ответственные лица разных уровней и простые саудиты, разделяя наши надежды и мечты о возможности беспрепятственно посещать их страну, повинуюсь религиозному долгу каждого мусульманина.

Прошли годы. Я много лет живу в Эмиратах, стараясь всеми силами помогать всем соотечественникам, кто работает здесь, и кто посещает эту арабскую страну в качестве гостя. Я создал свою туристическую инфраструктуру, которая в силу моего отношения к жизни стала инфраструктурой для формирующейся в арабских эмиратах татаро-башкирской диаспоры.

Каждый год я делаю все, что в моих силах, чтобы облегчить дорогу паломников из Татарстана и Башкирии, делюсь с ними тонкостями хаджа, моллю вместе с ними в положенное время, дарю памятные подарки, угощаю блюдами родной татаро-башкирской кухни. Мой ресторан «Казань» в Эмирате Шарджа давно стал центром традиционной татарской кухни, двери которого всегда открыты для соотечественников.

г. Шарджа, ОАЭ

Исмагил Шангареев и Талгат Тажуддин (1990 г.)

Марат Сафаров, кандидат педагогических наук

Султан-Галиев

(Читательские заметки)

спустя четверть века

С детства любимы мною художественные произведения, созданные в жанре исторического, документального романа. И все книги приходили вовремя, когда эпоха и персонажи, страсти и свершения героев становились отчетливы и понятны.

Странно, но в русской литературе все мои подступы к историческим романам не были удачными – видимо, сказывался эффект реального (или призрачного) погружения в историческую канву. Тогда научная монография становилась куда более ценнее художественного повествования, и где каждый поворот сюжета казался предсказуемым и банальным. Возможно, это идет от «Петра Первого» Алексея Толстого, задавшего канон (и каноничность) советского исторического романа.

Созвучие и интерес приходили от неведомого, таинственного, отдаленного горами и морями. Например, от изысканной балканской прозы – знаменитых романов Меши Селимовича и особенно нобелиата Иво Андрича. «Дервиш и смерть», «Крепость», «Травнищкая хроника» – если придут к вам эти старые мудрые книги, не откладывайте их в сторону.

А есть в моем книжном шкафу книга, которая почти не путешествует – не от страха её потери, а по необходимости частого обращения и перечитывания.

Она не может быть настольной – столь сложен контекст времени и трагедия главного героя. Но не проходит ощущения сочувствия, волнения, желания помочь и подсказать герою пути к перемене судьбы, хотя заранее известно, что судьба его идет к трагическому и неизбежному финалу.

Роман Рината Мухамедиева «Мост над адом», посвященный жизни выдающегося политического деятеля Мирсаита Султан-Галиева (1892-1940), был опубликован более четверть века назад, в 1992 году. Вскоре появился и очень удачный перевод на русский язык, существенно расширивший не только аудиторию произведения, но и позволивший рассказать о Султан-Галиеве людям, не знающим обстоятельств татарской истории первой трети XX века. Хотя сразу понятно, что, как и предначертано большим произведением, роман «Мост над адом» становится универсальным посланием к вдумчивому читателю, и не только об истории и политическом деятеле, но и о силе человеческого характера, величии героя, коварстве его врагов, компромиссах и верности убеждениям.

Почему так дорог этот роман мне? Не в моей скромной (и не литературоведческой) компетенции восхищаться очевидной художественной ценностью прозы Рината Мухамедиева, но мастерское умение писателя показать героя на

фоне его времени (а точнее, очень разных эпох) и современников притягивает с первых страниц. Султан-Галиев проходит сквозь роман от родной уютной приуральской деревни до финала и гибели. А рядом проходит галерея исторических деятелей – общеизвестных или совсем забытых, ведомых ныне лишь профессиональным историкам. Они проходят вокруг Султан-Галиева словно в бешеном хороводе, страшном сне-водовороте. Насколько единственно точным стало выбранное автором имя романа – «Сират купере», восходящее к татаро-мусульманской эсхатологии. Мост, который расположен над огненной преисподней, очень тонкий, не превышающий размеры волоса и острия лезвия меча. Согласно суннитским представлениям, в Судный день все люди должны будут пройти по мосту Сират. Праведные мусульмане «с быстротой молнии» перейдут по мосту в рай-джаннат к источнику Каусар, а неверные и грешники не смогут пройти по нему и упадут в ад. Татарским героям романа не нужно было пояснять кораническое значение моста над адом, ведь все они учились в мектебах и медресе. Но многим из них пришлось испытать огонь ада еще на земле. Ощущение тревоги, адского огня где-то

рядом, испытаний и разлук, ожидающих Мирсаита, его соратников и родных, не отпускает и при чтении. Это ощущение приходит не только от нашего груза знания советской истории, но и, прежде всего, благодаря художественным средствам.

Время – очевидный и самостоятельный герой романа. Но оно не только разлито широким морем революционных потрясений основ, надежд и разочарований, но и воплощается в человеческих образах. Именно в романе «Мост над адом» довелось встретить один из самых убедительных в искусстве образов Сталина, не демонизированного или ходульного, а человека и тирана одновременно, словно увиденного глазами самого Султан-Галиева. И Ленин (его знание татарской действительности, деталей национальных отношений в Поволжье), Троцкий, даже мимолетно промелькнувшая Надежда Аллилуева – одни из самых ярких впечатлений книги. Конечно, сразу приходит мысль о легком переводе текста на киноязык, мощных сценарных возможностях романа. Но, видимо, пока не пришел черед – татарский кинематограф только создается на наших глазах, не под силу каждому режиссеру реализовать такую сверхзадачу и создать сопоставимое по масштабу произведение.

Это черта романа – голоса и впечатления звучат, словно напрямую из 1920-30-х гг. Разумеется, произведение, создаваемое на документальной основе, как правило, наполнено исторической основательностью, но ведь не каждое может дарить читателю подлинные голоса. Хорошо известно, что в ходе работы над романом Ринат Сафиевич изучил множество архивных материалов, успел встретиться еще с современниками и выжившими в репрессиях родными Мирсаита Султан-Галиева. Создать историческую полифонию, когда текст создает трагический эффект присутствия, а хронологические расстояния исчезают – это прерогатива именно подобного художественного произведения.

Время – важнейшая категория нашего сегодняшнего разговора. Книжки приходят к читателям сообразно их интересам и чувствам, но важнее совпадение книги и времени, когда витающие в воздухе идеи и ожидания облекаются в текст. Гораздо сложнее приходится первооткрывателям темы, зачинателям новых по форме и заложенным смыслам произведений. Придя к читателям в конце перестройки, когда на советских людях уже обрушилась лавина информации об истории страны, роман «Мост над адом» обнаружил свою самостоятельную литературную судьбу. И вот уже самому роману почти 30 лет, а он живет, переиздается, переводится на другие языки, прочитывается впервые, включается в различные рейтинги татарских художественных произведений. А еще – жизнь романа выходит за рамки текста, ведь наблюдательный читатель может увидеть в Замоскворечье бывший доходный дом на Б. Татарской улице, где Султан-Галиев жил в квартире своей тещи Ерзиной, или в любую погоду сумрачный, словно запечатлевший беды своих бы-

лых обитателей Дом на набережной. Здесь тоже жил Султан-Галиев, он ходил по тем же московским (казанским, уфимским) улицам, что и мы. С чудом уцелевшей фотографии смотрят на нас молодые Мирсаит и Фатима Ерзина в красивой каракулевой шубе – представительница известной татарской династии меховщиков.

А совсем еще недавно можно было поговорить с Раузой Ахмедовной Кастровой – двоюродной сестрой Фатимы Ерзиной-Султан-Галиевы. «Учитесь девочки, революция принесла татарам право на обучение» – эти слова революционера, большевика (и своего родственника Мирсаит-абзы) запомнила Рауза Кастрова, и насколько они созвучны романтическому образу из романа! Особенно важно, что роман доносит до нас идеи и убеждения целого поколения большевиков, которые ныне порою стыдливо забываются, словно в очередной раз выпадают из исторического потока. Идеи – разные в своем видении национального строительства и будущего СССР, своего народа (сравните хотя бы полярных Султан-Галиева и Сайтгалеева), полностью принимающих марксизм в его ленинском варианте или лишь идущих к освоению идеологии, пытающихся причудливо совместить классовые и национальные интересы. Но эти люди, вышедшие к жизни революцией, ничуть не менее яркие, чем джаиды (из среды которых они во многом и вышли) или столь широко и скрупулезно изучаемые ныне татарские религиозные деятели.

В книге заложена и важная идея, что именно колоссальными усилиями таких исторических фигур, как Султан-Галиев, Мулламур Вахитов, их единомышленников из Крыма, Азербайджана, Казахстана, Средней Азии удалось не только сделать актуальной модель национального строительства, но и убедить руководителей оветского государства в необходимости создания союзных и автономных республик. Благодаря татарским большевикам, и в значительной мере Султан-Галиеву, в мае 1920 года образовался советский Татарстан, хотя, как известно (и подробно показано в романе), прежние контуры республики предполагались иными. В романе дан яркий портрет и другого антипода или точнее оппонента Султан-Галиева – деятеля башкирского национального движения Заки Валиди. Если партийный левак Саитгалеев односложен и догматичен (но представляет широко распространенную тогда позицию решения нацвопроса в духе мировой революции), явно меркнет перед образом Мирсаита, то Валиди – опытный полемист. Их диалоги и споры с Султан-Галиевым – одна из важных частей произведения.

Беглые читательские заметки всегда субъективны и служат лишь сравнению впечатлений, а если кому еще не довелось взять этот роман в руки, то можно лишь искренне порадоваться за них. Вам предстоит сложное, но очень полезное и познавательное путешествие с возможностью вернуться назад. У героев романа был путь по мосту лишь в один конец.

Мирсаит Султан-Галиев с женой Фатимой Ерзиной

В редакции газеты «Татарский мир» раздался звонок. Человек представился Рафаэлем Халитовым из Казани. Рассказал о своем безвыходном положении – тяжелой болезни. И сообщил, что он является владельцем уникальной коллекции старинных сокровищ, жемчужиной которой является, как допускают эксперты, шапка самой царицы Сююмбике. Выслал несколько десятков фотографий и просил нас о помощи.

На вопрос: в чем дело и может ли он нам обо всем рассказать подробно, он сослался на плохое самочувствие и выслал интервью, который, оказывается, в свое время давал корреспонденту «БИЗНЕС Online» Елене Чернобровкиной. И высказал надежду, что коллекцию, которую его предки 400 лет тайно

передавали из поколения в поколение, может приобрести меценат — человек или организация — и передать на хранение в музей. Владелец уникальной коллекции выставляет их на продажу. Вынужденно — врачи поставили страшный диагноз. Рафаэлю Халитову нужны деньги на лечение в Германии.

Владелец ошеломляющей коллекции старинных сокровищ Рафаэль Халитов в редакцию принес только их фотографии. Но фото и реальные вещи, конечно, не одно и то же. Пояснил, что сами сокровища находятся под круглосуточной охраной. И то ли шутя, то ли всерьез добавил: на каждый экспонат по автоматичку... Во всяком случае, главную ценность коллекции — шапку, которая могла принадлежать самой казанской царице Сююмбике — уж точно охраняют как зеницу ока. Нет больше нигде такой, ни одной не сохранилось, не дошло до нас спустя долгие годы и века. Понятно,

почему так была ошеломлена невероятностью появления в XXI веке столь бесценной вещи эксперт, специалист в области этнографии татарского народа Рамзия Мухамедова. Причем тогда о том, что его коллекция бесценна, Халитов лишь смутно догадывался. Так что уникальные старинные вещи, рискуя довести уважаемого эксперта до сердечного приступа, доставил ей собственноручно, без всякой охраны...

Но обо всем по порядку. О том, что его семья владеет уникальной коллекцией, наш герой знать не знал до тех пор, пока его отец не оказался на пороге смерти — в такой тайне держали его предки сокровища. Наверное, только благодаря этому они и сохранились до наших дней — через все потрясения, войны, революции, смены власти, раскулачивание, переезды семьи...

Рафаэль Тухфатуллаевич рассказал немного о себе: «Я родился и вырос в Ходжилинском районе Узбекистана, это север республики. Семья у нас была очень образованная. Папа по специальности агроном, всю жизнь на полях, всю жизнь с крестьянами. Мама была учительницей, тоже целыми днями в школе. Воспитывала нас, детей, в основном бабушка со стороны папы. Она говорила только на татарском, и благодаря ей татарский более-менее мы знаем. Но честно скажу, что татарский язык, на котором говорят в Татарстане, отличаются. Немногим, но отличаются. Здесь он более такой... родной. А там он все-таки смешанный, потому что люди говорят в основном на узбекском языке. Своего дедушку со стороны папы я не застал, он умер в 1957 году от того, что у него осколок сдвинулся с места. Дедушка воевал на Великой Отечественной и там был серьезно ранен. Ему после этого ранения категорически нельзя было лежать на спине. Но, видимо, во сне он перевернулся — и уже не проснулся. Бабушка рассказывала, что он был очень активным, деятельным, трудолюбивым и даже получил из рук Калинина в Москве медаль.

Сама бабушка была верующей, она хорошо знала арабский, писала на нем — я собрал ее некоторые письма на арабском языке, они у меня до сих пор хранятся. К слову, среди переданных мне по наследству вещей имеется и бабушкин небольшой рукописный Коран. Вообще, некоторые вещи в коллекции есть со стороны предков моего папы, но большинство — отсюда, с территории Татарстана. Мой прадедушка по материнской линии Зарифулл

абабай был очень зажиточным и состоятельным. Он жил в деревне Кушар Казанской губернии, ныне это Атинский район, отсюда был и родом. Вот от него и дошла до меня коллекция старинных сокровищ. Они, по всей видимости, достались от прадедушки, и их тайно передавали по наследству. Что интересно, в 30-е годы, в период раскулачивания, мои бабушка с дедушкой вынуждены были уехать в Среднюю Азию. В 60-е годы семья вернулась обратно. И я вот все гадаю, спросить-то уже больше не у кого, эту бесценную коллекцию бабушка с дедушкой здесь спрятали, когда уезжали, или все-таки с собой увозили? Тут можно только догадываться, потому что об этих вещах никто, кроме них, в семье и не знал...»

Сам Халитов о старинных семейных сокровищах узнал лишь незадолго до смерти отца, в 2009 году: «Папа перед смертью передал их мне и сказал, что родители моей мамы родом из деревни Кушар и что в основном эти старинные вещи оттуда. Отец сказал: «Оставляю все это тебе, как старшему сыну». Это произошло уже здесь, в Казани. Вот тогда я и узнал, что многие поколения нашей семьи втайне хранили эту коллекцию. Для меня получить ее было тем удивительнее, что у нас в роду, насколько мне известно, никто с искусством не был связан. Разве что я сам, но совсем немножко. Я в детстве любил рисовать, хотя уже давно не рисую, и после школы поступил в Ленинградское профтехучилище на специальность художника-оформителя. Два года там проучился, закончил, и меня тут же забрали на три года в армию. Так что по этой специальности работать не довелось. Отслужив, закончил заочно энергетический колледж, работал монтажником-высотником на большой стройке, энергоблок строили. Много лет там проработал, хорошие зарплаты были. А в 90-х, когда в стране все перемешалось, когда было непонятно, что ждет в будущем, решили с семьей — у меня жена и две дочери — из Узбекистана переехать на свою историческую родину. Приехали в Казань, чтобы навестить больного отца. Вот он мне и сказал: сын, зачем вам обратно возвращаться, давайте здесь обоснуемся, будете жить на нашей исторической родине. Так мы и остались в Казани.

«Когда я узнал, что в нашей семье есть такая коллекция, и она неожиданно свалилась мне в руки, что было делать? — эхо того потрясения и сегодня звучит в голосе наследника старинных сокровищ. — Мне же надо было разобраться с ней. Но я к этому не сразу приступил, прошло какое-то время. Получилось так, что мне именно в то время, в начале 2009 года, поставили страшный диагноз — рак крови. Был в таком состоянии, между жизнью и смертью. Меня лечили химиотерапией, давали усиленные дозы... И тут папа умирает в августе, а мне

еще одну операцию делают. Все одно к одному. И до конца года я был в таком состоянии, ни до чего не было дела, даже до сокровищ, честно говоря».

«Только когда я более-менее пришел в себя, тогда серьезно занялся коллекцией, — рассказывает Халитов. — Начал искать ученых, пришел в Национальный музей. Мне подсказали, что можно обратиться к специалисту в области этнографии татарского народа, кандидату исторических наук Рамзии Гиниатовне Мухамедовой. Она всю жизнь занималась изучением традиционного костюма народов Поволжья, имеет огромный опыт в области этнографии, у нее есть доступ ко всем фондам, ко всем архивам наших музеев. Я с ней созвонился, встретился и принес свою коллекцию и увидел у нее на лице чувства восхищения, радости, изумления: «Как такое возможно?! Я ничего подобного не видела!»

Рамзия Гиниатовна сказала, что ей нужно поработать с этими вещами, и как-то робко спросила: «Вы можете оставить?» Я ответил: «Конечно, пожалуйста!» Она почти два месяца работала с этими вещами. И как же я удивился, когда услышал от нее, а потом и прочитал в ее заключении, что вещи из нашей семейной коллекции «представляют большую научную ценность». А головной убор, сказала Рамзия Гиниатовна, вообще сохранил-

ся в единственном экземпляре, и его просто не с чем сравнивать. Она это точно знала, потому что была во многих этнографических экспедициях, много работала со старинными вещами...»

Из экспертного заключения Мухамедовой: «В коллекции Р. Халитова имеются уникальные вещи, прежде всего, это — высокая, цилиндрической формы, женская шапка...»

«Головной убор потрясает воображение. Нет слов! Тем более когда я узнал, что он уникальный, на сегодняшний день сохранившийся в единственном экземпляре и принадлежал знатной татарке ногайского рода, — рассказывает Халитов. — А к этому роду принадлежала последняя правительница Казанского ханства царица Сююмбике. Это очень древний род и происходит от правителя Едигея, который создал ногайскую династию. Я прямо спросил у Рамзии Гиниатовны про главную вещь в коллекции, головной убор, не мог ли он принадлежать самой царице Сююмбике? Все-таки в экспертном заключении написано осторожно: «Время изготовления шапки и ювелирных изделий можно определить лишь по косвенным данным... Ювелирные изделия из коллекции Халитова были изготовлены не позже конца XVII — начала XVIII веков». И знаете, что ответила мне Рамзия Гиниатовна? Она сказала — все

Кому достанется

«шапка Сююмбике»

Предполагаемая «Шапка Сююмбике»

«ТБике»?

Как-то один археолог посмотрел на них и удивился: здесь изображено древо жизни, очень древний орнамент. Как все эти вещи сохранились, я даже не представляю. Слово мои далекие предки специально это подбирали, хотели, чтобы даже фрагменты ткани дошли до прапраправнуков. Не удивительно, что я увлекся, даже сам тоже взялся за исследования».

Наш собеседник продолжает: «После того, как узнал, что вещи нашей семейной коллекции уникальны и имеют огромную историческую ценность, я стал искать пути, чтобы показать их, чтобы их увидело как можно больше людей. Обратился в музей — и в музей-заповедник «Казанский Кремль», и в Национальный музей. Со мной согласились: да, это уникальные вещи, покажем обязательно! Но там все-таки и текущей работы много, все откладывали. Тогда я письменно обратился в правительство, и через министерство культуры выставку в Национальном музее организовали. Для меня это была, конечно, огромная радость, что уникальную коллекцию смогли посмотреть многие. Я предложил там выставить и бабушкины письма на арабском языке, у меня их тоже с удовольствием взяли».

Из пресс-релиза пресс-службы Национального музея РТ: «В рамках выставочного проекта «Из частных коллекций...» Национальный музей РТ приглашает внимание посетителей выставку предметов декоративно-прикладного искусства и этнографии кочевников-тюрков в широком временном диапазоне XVI - XX веков из собрания казанского коллекционера Р. Т. Халитова... Многие предметы не имеют аналогов в фондах Национального музея РТ и других музеев России...»

Выставку открыли в марте 2014-го под названием «Возвращение из прошлого». «Мы договорились, что выставка будет проходить один месяц, — говорит Халитов, — но она имела такой успех, что когда прошел месяц, мне позвонили и попросили — поскольку такой ажиотаж, было бы хорошо вашу выставку еще на месяц оставить. Я, конечно, согласился».

После такого успеха выставки у Халитова появились новые задумки о том, как с семейной коллекцией познакомить всех желающих: «Я планировал выставить старинные сокровища и в нашем музее-заповеднике «Казанский Кремль». Обратился туда, мне сказали, что с удовольствием включат в план на 2016 - 2017 годы. Разговаривал и с директором музея Ислама при мечети «Кул Шариф». Между прочим, она не один раз спросила: «А может быть, вы все-таки хотите продать коллекцию? Может быть, все-таки продадите?» К слову, и Национальный музей был готов выкупить эти вещи. Но я мечтал лишь выставить коллекцию, и не только в Татарстане, но и в других регионах России и даже за границей. Потому что

эти вещи достойны того, чтобы люди их увидели и восхищались ими. Наши соотечественников по всему миру много, они бы непременно пришли на такую выставку».

Все шло хорошо... Но у Рафаэля Тухфатуллаевича обострилась болезнь. «До 2015 года я был более-менее нормальным по здоровью, — говорит он, — и никак не планировал продавать коллекцию. Я всегда хотел эти вещи показывать людям. Я был сторонником того, чтобы продолжать семейную традицию — сохранять сокровища и передавать по наследству, только не прятать, а показывать людям. Но жизнь диктует свои условия. После того, как в 2009 году мне поставили страшный диагноз в Гематологическом научном центре Москвы, я пережил

то, что меня услышат, у нас все-таки люди интеллектуальные, очень развитые духовно, у нашего народа богатая история. Должны услышать».

Из-за болезни Халитов вынужден был оставить работу: «Когда мы переехали в Казань, я поработал в Метрострое, потом в службе безопасности в большой торговой компании. Но здоровье начало сильно-сильно подкашиваться, и врачи мне сказали, что работу надо оставить, надо лечиться. Я получил вторую группу инвалидности. Подрабатывал немножко в охране, но это так, чтобы чуть-чуть двигаться, не сидеть дома. Врачи говорят: вам надо только

может быть! Ведь сама царица Сююмбике именно ногайского рода, дочь ногайского бия Юсуфа и прапраправнучка основателя династии Ногайской Орды Едигея. Эксперт говорила мне, что головной убор мог принадлежать царскому роду, потому что выполнен очень элегантно, очень богато — височные подвески, серебряные украшения, полудрагоценные камни. Это все говорит о том, что шапка принадлежала очень знатному и богатому роду. Сердце замирает, когда представляешь, что вот эту красивейшую вещь могла держать в руках сама казанская царица».

Рафаэль Тухфатуллаевич с удовольствием откликается на просьбу описать уникальную шапку: «Рамзия Гиниятовна поражалась, удивлялась, восхищалась еще и тем, что головной убор сохранился в таком хорошем состоянии и в комплексе, с нагрудной и затылочной частью. Этот головной убор имеет собственно шапку — вся она покрыта полудрагоценными камнями, серебряными бляшками, украшениями. Очень хорошо сохранилась и нагрудная

часть, и сама ткань, и вышивка на ней, имеются здесь и ювелирные украшения — сердолик, бирюза. Ювелирные украшения идут также с височной стороны, спускаются вниз. И, по словам эксперта, самое удивительное, что в затылочной части имеется наконечник, он очень редко сохраняется в старинных шапках. Наконечник этот на полужесткой основе, там ткань, вышитый шелковыми нитями орнамент, тоже все украшено ювелирными изделиями — камнями и серебряными предметами... Уникальный головной убор! Эксперт говорила мне, что с такими вещами человек, может быть, сталкивается раз в жизни».

Однако и другие вещи из семейной коллекции, а их чуть больше полусотни, тоже очень интересны, хотя некоторые сохранились фрагментами. «Например, височная подвеска сохранилась только одна, а должно быть две. Серьга круглая тоже одна, — перечисляет Халитов. — Из ювелирных украшений есть коранец — это такое женское нагрудное украшение, которое было чем-то вроде талисмана: там открывался колпачок, и туда вставляли листочки с сурами Корана. Есть в коллекции уникальные вещи из старинной конской сбруи. Но она тоже сохранилась только фрагментами, как будто специально кто-то их порезал: кусочки в 10, 20, 30 сантиметров. Кожа и на ней серебряные накладки с позолотой, орнамент. Это уникальное произведение искусства. Только, правда, датировка опять же непонятна: одни специалисты говорят, что это XVI век, другие — XVII век. Отдельно можно рассказывать про фрагменты ткани. Кочевники свои жилища изнутри украшали всякими орнаментами. И эти полоски ткани именно тканые, как бы основа, и на ней узоры из шерсти разного цвета, все это вручную делалось.

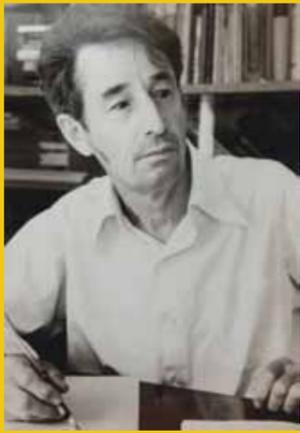
уже 17 курсов химиотерапии. Мне хотелось бы, как говорится, жить и радоваться. Но мне очень тяжело — преодолеть все время эту болезнь, держать себя в форме, пытаться как-то выкарабкаться. Поэтому мы в семье пришли к мысли, если появится такая возможность, то надо, видимо, продавать коллекцию. Потому что другого выхода нет, таких денег, которые нужны мне на лечение, нам просто не найти. В России многие мои знакомые, с которыми я вместе лечился, с которыми лежал в больницах, в стационарах находились, уже ушли из жизни. А один из тех, кто вылечился, мне сказал: «Рафаэль, тебе нужно ехать за границу и лечиться там, меня в Германии вытащили с того света, но я заплатил большие деньги». Да, музей мне предложил продать коллекцию, но они не могут заплатить достойно, таких денег у музея нет. Поэтому очень хотелось бы не просто продать, а чтобы купил меценат и передал, подарил музею. Очень хочется, чтобы так получилось. Я наде-

лежать и не вставать. Но я так не могу! Я им говорю: вы что, если я лягу и не буду вставать, я так и не встану, умру! Я заставлял и до сих пор заставляю себя вставать рано, делать зарядку, вести более-менее нормальный образ жизни, чтобы не захнуть слишком. Но все равно болезнь свое берет, организм слабеет, анализы сильно меняются в худшую сторону. Нужно принимать срочные меры, надо вылечиться. Я связывался со специалистами в Германии, которые лечат таких больных, как я. Они сказали, как только будете готовы, мы сразу займемся вашим здоровьем. В России у нас есть свои представители, они вам помогут, все будет нормально — обследование, лечение. Очень хочется, чтобы так и получилось».

На вопрос, во сколько он оценивает свою коллекцию старинных вещей, Халитов отвечает не стал: «Думаю, о цене говорить будем с теми, кто непосредственно заинтересуется коллекцией».

Елена Чернобровкина

Нурихан Фәттаһ

Велосипедлы Мөнир

Мөниргә әтисе киbettән өр-яңа велосипед сатып алды. Мөнир велосипедын житәкләде дә, урамга чыкты. Аның тирәсенә шундук иптәш малайлары жыелды.

– Мөнир, йөрөп торырга миңа да бирерсең әле велосипедыңны? – диде Илдус.

Бүтән малайлар да:

– Эх, нинди ялтырап тора!

– Бер генә тотып карыйм әле?

– Мөнир, мин дә йөрермен әле? – диештеләр. Мөнир велосипедын бик кызганды. Аның үз әйберсенә беркемне дә кагылдырасы килмәде.

– Теләнмәгез дә, березгә дә бирим, – диде ул, кырт килсеп.

Ләкин Мөнир велосипедта йөри белми иде. Шуңа күрә аны, велосипедка утыргач аумас өчен, арттан кем дә булса тотып барырга тиеш иде.

– Ярар инде алайса, син генә йөрөп карарсың, – диде ул Илдуска. – Тик мин утыргач, син велосипедны тотарсың... Ычкындыра күрмә... Басуга чыгып, әнә теге чыршы турысына житкәч, мин төшәрмен дә, син китәрсең.

Илдус бик шатланып риза булды. Мөнир киртә янына килде дә, велосипедның ияренә атланып утырды. Илдус велосипедны тотып торды.

Менә алар әкрен генә кузгалып киттеләр. Велосипед баштак әле бер якка, әле икенче якка кыйшайды. Әгәр Илдус ныгытып тотмаган булса, Мөнир шундук егылып төшкән булыр иде. Шулай да ул безардан тигезлеген саклый ала башлады һәм велосипед такыр юлдан жиңел генә тәгәрәп китте.

Тиздән иптәшләре дә, авыл да артта калды. Алар юл буйындагы чыршы турысына да якынлаштылар. Илдус бик кызу йөгерүдән тирләп төште, кызарды.

– Тукта инде, Мөнир... – диде Илдус, ялгыз чыршыны узып киткәч.

Мөнир туктамады, киресенчә, тагын да кызурак бара башлады.

– Мөнир, йөрерсең дип үзең әйттең ич... тукта инде, – диде Илдус, кызганыч тавыш белән. – Туктамасаң, ычкындырам. Кит үзең генә.

– Ычкындырсаң әллә! Бар, китә бир, – диде Мөнир, бер дә исе китмиңә. – Мин инде синнән башка да йөри алам.

Илдус бик хурланды. Мөнирнең велосипедын ычкындырды да, кире борылып, авылга таба йөгерде. Мөнир, иптәшеннән котылуына сөенеп, тагын да кызурак китте.

Бара торгач, юл кисәк кенә түбәнәя башлады. Велосипед, тигезсез юлда дыңгырдап, һаман шәбрәк тәгәрәде. Хәзер инде педальгә басарга да кирәкмәде. Мөнирнең колак төбәндә жил сызгырды, йөрәге куркудан “жу” итеп китте: ул велосипедның йөрешен әкрәнәйтү өчен тормозга басарга кирәклеген белми иде.

Велосипед очты гына. Мөнир үз алдында берни дә күрмәде, куллары, аяклары тыңламас булды һәм коты алынган малай, үзе дә сизмәстән:

– Илдус! Тот, ычкындырма! – дип кычырып жибәрде. Зырылдап әйләнеп барган алгы тәгәрмәч кинәт читкә кереп китте һәм Мөнир велосипеды-ни белән юл читендәгә чокырга мәтәлеп төште.

Аның янында беркем дә юк иде.

Ирек, Алмаз һәм Жәлил

Ирек комлыкта уйнап ята. Үзе генә уйный. Аның кечкенә автомашинасы бар. Автомашинага ком тутыра да, бер жирдән икенче жиргә илтәп аудара. Комны бушаткач, кире килә, тагын ком тутыра, тагын илтәп аудара. Ул үзенчә чокырлар казып, юллар сала, буалар буа.

Ул шулай уйнап ятканда, аның янына Алмаз белән Жәлил килде. Ирекнең күңелле итеп уйнавын күрделәр дә кызыктылар болар. Аларның да юллар салып, чокырлар казып уйныйсылары килде.

– Ирек, әйдә бергә уйныйбыз? – диде Алмаз.

– Мин синең машинаңа ком төярмен, син шофер булырсың, – диде Жәлил.

Ләкин Ирекнең аларны уенга катыштырасы килмәде.

– Кирәкми, мин үзем генә уйныйм, – диде ул. Малайлар аның сүзенә карамадылар, шунда комлыкта уйнарга да керештеләр. Комнан юллар салдылар, буалар будылар, таулар өйделәр. Ләкин алар комны куллары белән ташыдылар. Чөнки аларның машиналары юк иде.

Ирек машинасын аларга бирмәде, һаман үзе генә уйнады. Алай гына да түгел, Алмаз белән Жәлил килгәч, аңа комлыкта урын тар булып күренде.

– Минем комны алмагыз! – диде ул, шыңшып.

– Синекен алмыйбыз бит! – диде Алмаз. Ирек барыбер тынычланмады.

– Минем юлны таптамагыз! Минем чокырны бозмагыз! – диде ул, бәйләнчекләнеп.

– Синекә түгел, үзезнеке! – диде Жәлил.

– Юк, минекә! Бу минем юл, минем буа! – диде Ирек.

Шулай диде дә иптәшләре ясаган юлны аягы белән бозып та ташлады. Алмаз белән Жәлилнең моңа ачулары килде. Шулай итеп малайлар ачуланыштылар да киттеләр.

Ирек еларга тотынды. Автомашинасын күтәрде дә, “әни!” дип кычырып кычыра, үзләренә йөгерде.

Ләкин Ирек өйләренә кайтып житә алмады. Тыкрыкта аңа кара эт очрады.

Юлга аркылы баскан да тик тора карап! Үзе зу-ур, бозау чаклы. Авызы ачылган. Ачык авызыннан очлы тешләре күренә, очлы тешләре арасыннан озын теле салынып тора. Котың алыныр!

Чыннан да, Ирекнең коты алынды. Ул шундый курыкты – куркуыннан хәтта елавыннан да туктады.

Нишләргә хәзер? Эт янына барып булмый. Барсаң, кабар да йотар! Шулай ук аны читләтеп үтәргә дә мөмкин түгел – ике якта биек коймалар.

Малай, нишләргә белми карап торды-торды да, кире йөгереңгә тотынды. Ул, тыны бетеп, Алмаз белән Жәлил янына килде.

– Ник килдең, елак? – диде Алмаз. Ирек рәтләп сүзен дә сөйли алмады.

– Э-эт... э-эт бар! – диде ул, тотлыгып. Жәлил белән Алмаз уйнауларыннан туктап калдылар. Ирек янынарак килделәр.

– Кайда ул?! Кайда? – диделәр алар.

– Те... те... тегендә... тыкрыкта, – диде Ирек.

– Әйдәле! – диде Алмаз, Ирекне үз артыннан ияртеп.

Малайлар тыкрыкка таба китеп бардылар. Карасалар, кара эт һаман шунда басып тора. Юл уртасында, эттән читтәрәк, Ирекнең автомашинасы уйнап ята.

Батыр Алмаз кулына таяк алды, кыюланып эткә таба атлады. Хәзер инде Ирек тә курыкмады. Өчәү булгач, нишләп куркып торырга!

Эткә якынлашкач, Алмаз таягын ыргытты. Ирек белән Жәлил этне куркытып кычырырга тотындылар.

Кара эт малайларга гажәпләнеп бер карады да койрыгын болгап алды, башын иде һәм иренеп кенә китеп барды. Тыкрык бушап калды.

– Кайтасыңмыни? Бар инде, кит, – диде Алмаз Иреkkә.

– Юк, мин сезнең белән уйныйм, – диде Ирек.

Малайлар юлдагы автомашинаны алдылар да, өчәүләшеп яңадан комлыкка йөгерделәр.

Видный татарский писатель Нурихан Фаттах (Нурихан Садрильманович Фаттах) лауреат Государственной премии Республики Татарстан им. Г. Тукая, народный писатель Республики Татарстан родился 25 октября 1928 года в деревне Кючтовыл Янаульского района Башкортостана.

В 1957 году был издан его первый роман «Сезнеңчә ничек» («Как повашему?»). Во время освоения целины часто подолгу жил в совхозе «Казань» под Павлодаром. С 1965 г. член Союза писателей СССР.

В книгах «Этот загадочный фестский диск» и «Родословная: историко-лингвистические исследования» высказывал предположение, что древние египтяне и греки на самом деле были родственны древним тюркам.

Писатель известен, прежде всего, своими историческими романами, как «Итиль-река течет», «Свистящие стрелы», «Эхо далекого века», трагедией «Кул Гали», исторической драмой «Сарина дочь Сармата», многими повестями и произведениями для детей. Он является переводчиком на татарский язык романов «Отверженные» В. Гюго, «Отец Горио» и избранных рассказов О. Бальзака, «Обломов» И. Гончарова, рассказов А. Серафимовича, Б. Житкова и др.

В дни 90-летия Нурихана Фаттаха вниманию наших читателей предлагаем интервью с классиком татарской литературы, взятый 30 лет тому назад, который, на наш взгляд, и ныне остается весьма актуальным.

характера». Всякая попытка глубже осветить отдельные периоды нашей истории, восстановить истину, когда она расходилась с укоренившимися догмами, чаще всего расценивалась как «отход от четкой классовой позиции».

А отношение к истории татарского народа всегда было сложным и противоречивым. О таких её периодах, как Золотая Орда и Казанское Ханство, весьма значительных и действительно не однозначных, до недавнего времени и заикаться не решались. В большом долгу перед народом наша историческая наука. Притом что научных работ у наших историков более чем достаточно. Но какая в них история? Искаженная, конъюнктурная, тенденциозная, примитивная. Печально известно своими последствиями для татарской исторической науки и постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 года «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», до сих пор, кстати, не отмененное. А между тем стремление правдиво воссоздать исторический путь народа у наших ученых было. Вспомним Шигабутдина Марджани, Ризу Фахрутдинова, Газиза Губайдуллину, Хади Атласова. Сколько лет мы делали вид будто их вовсе не существовало...

Всё это в общей сложности и привело к тому, что исторический жанр в татарской литературе долгие годы

всё-таки глубоки наши корни и до чего же мало мы знаем о них. Донести до современников хотя бы частицу этой правдивой истории – такую цель я преследовал, работая над романами «Итиль – река течёт» и «Свистящие стрелы». Историческая тема требует огромных усилий, и духовных, и интеллектуальных. А главное – это ответственность нравственная и гражданская за каждое слово.

Да, демократия и гласность дают нам большие права. Но они должны быть использованы в высших интересах народа, а не наоборот.

И потом – давайте не будем заниматься самоидеализацией. Мы, татары, тоже ведь не святые. Всё, что было в нашей истории плохого и хорошего, – всё принадлежит нам, и только нам. Так от судьбы своей отказываться что ли?..

Нурихан Фаттах с женой Руфиной

Нурихан Фаттах:

”Любовь к народу делом доказки“

Видному татарскому прозаику, автору таких широко известных произведений, как «Итиль – река течет», «Летящие стрелы», трагедии «Кул Гали», Нурихану Фаттаху исполнилось 60 лет. Накануне юбилея писателя с ним встретился Рифат Фаттахов, тогда еще студент отделения журналистики, ныне известный продюсер татарской эстрады, основатель фонда имени Рашида Вагапова.

– Нурихан Садрильманович, давайте поговорим о судьбах исторического жанра. Что изменилось или что меняется в отношении к нему читателей и самих писателей?

– Раньше отношение к историческим романам было очень неопределённым. Десятилетиями нам внушали мысль об их «второсортности», призывая «создавать яркие образы наших современников, воплощать лучшие черты советского

прибывал в зачаточном состоянии. Дальнейшее его развитие по существу стало возможным только сегодня.

– Кстати, первые ваши произведения были посвящены современности...

– Я никогда не имел и не имею ничего против честного изображения современности, со всеми его сложностями и противоречиями. Я против приглаженности, наведения глянца на нашу с вами жизнь.

А интерес к истории у меня появился в 50-е годы. Тогда в связи со строительством Куйбышевской ГЭС в этом районе начались археологические раскопки. Непосредственно участвуя в них, я невольно стал углубленнее изучать язык, быт, традиции, нравы своих далёких предков и всё чаще приходил к выводу: как

– Но мне также известно, что вы являетесь автором не только романов, но и научных трудов по истории и языку.

– Приверженность к исторической теме обязывает писателя быть одновременно и учёным, исследователем. Восстановить все детали той далекой эпохи уже нет возможности, но решающие, самые значительные события должны трактоваться предельно близко к действительному их ходу. И тут писательская фантазия уже не помощник. Без знаний в области истории и филологии, этнографии и археологии просто не обойтись. Так, в процессе поиска, изучения материала у меня появились и чисто научные замыслы и труды. «История языка» – один из них. Здесь я делаю попытку совершенно по новому подойти к осмыслению закономерностей становления и развития тюркских языков. Свою работу я закончил ещё в 1982 году. Но судьба её до сих пор не решена.

– В последнее время в Республике нет-нет да раздаются голоса, призывающие переименовать татар в болгар. Что вы думаете по этому поводу?

– Я, как писатель и гражданин, категорически против этого. Допустим, население Татарской АССР переименуют в «болгар», но ведь 5, 5 из 7 миллионов татар проживает за пределами республики. Что же с ними будет? Мы и так непростительно мало делаем для них. Но сегодня мы хотя бы зовёмся одинаково. А в случае переименования и эта связь сама собой будет утрачена. Это «начинание» искусственно обедняет нашу историю. Ведь мы берём свое начало не только от болгар... К тому же мы будем вынуждены отказаться и от литературы периода Золотой Орды. А это богатейшая литература. Один только эпос «Идегей» чего стоит!

Наконец, сегодня, как никогда остро и прямо, благодаря апреля 85-го, ставится вопрос о сплочении и самореализации каждой нации.

– Нурихан Садрильманович, вы упомянули о судьбе татар, живущих за пределами республики. О необходимости сплочения каждого народа. Но как себе представляете это?

– Положение нашего народа действительно особое. Это объясняется, прежде всего, тем, что в силу различных исторических условий наш народ разбросан по всей стране. И, говоря о сплочении нации, я в первую очередь имею в виду удовлетворение духовных, культурных потребностей татарского населения, живущего за пределами ТАССР. Этот вопрос для нас сегодня является одним из первоочередных. На это нас нацеливает и решения XIX партконференции. «Следует позаботиться, чтобы национальности, проживающие за пределами своих государственно-территориальных образований или не имеющие их, получили больше возможностей для реализации национально-культурных запросов, особенно в сфере образования, общения, народного творчества, а также создания очагов национальный культуры, использования средств массовой информации, удовлетворения религиозных потребностей», – говорится в её резолюции «О международных отношениях».

– В заключение разрешите поздравить вас, Нурихан Садрильманович, с юбилеем, а также узнать о ваших творческих планах.

– За поздравление – спасибо. А что касается планов... Буду работать! Назвать что-то конкретное, наверное, не смогу. Теперь не время громких обещаний. А тем, кто и сегодня не перестаёт твердить «о любви и преданности своему народу», я хочу сказать: «Любовь к народу делом доказки».

Вёл беседу **Рифат ФАТТАХОВ**, студент отделения журналистики КГУ
1988 г.

Два классика: Аяз Гилязов и Нурихан Фаттах

Марат Ширинский

Там, где живут татарские книги

В библиотеке выступает Чулпан Мусеевна Залилова

Библиотеку Татарского культурного центра в историческом пространстве Дома Асадуллаева знают не только читатели-москвичи. И для гостей выступление в её стенах – важное, запоминающееся событие. Часто слышу от казанских друзей добрые слова и теплые впечатления от знакомства с аудиторией библиотеки. Встречи с татарскими писателями и поэтами, презентации книг, концерты, открытые лекции – в течение сезона одна афиша сменяет другую. Здесь благодарная публика. И камерный характер зала органично соотносится с форматом проводимых вечеров – когда зрители и выступающие находятся на расстоянии вытянутой руки, их не отделяют сцена и кулисы. Конечно, наших известных соотечественников привлекает и желание выступить в уникальном доме с долгой татарской историей. Одна только мысль – эти стены помнят Мусу Джалиля, Сару Садыкову, Газиза Айдарского, Ахмета Ерикеева, Назиба Жиганова, Захида Хабибуллина, Муниру Булатову...

А можно углубиться и в более далекие эпохи. В московской татарской общине до 1917 года не отмечается наличие особой общедоступной библиотеки. Однако богатое книжное собрание имело в семье ахуна Хайретдина Агеева, перешедшее к его наследнику и приемнику, имам-хатыбу мечети в Замоскворечье Абдулле Шамсутдинову. Книги религиозного содержания накапливались и в мечети, построенной в 1904 году в Мещанской части города. Книжные собрания имелись и в домах татарских купцов, например у Хасана Акчурина – представителя богатейшей династии промышленников и меценатов. При Доме Асадуллаева, основанном в 1913/1914 гг. в качестве особой мусульманской школы нового типа, постепенно укомплектовалось собрание джадидской учебной литературы. Именно с этого периода ведет свою историю библиотека в Малом Татарском переулке.

Однако реалии истории XX века несколько раз приводили к «обнулению» фонда. Не приходится пояснять, сколь разрушительное воздействие имело такое прерывание преемственности для татарской культуры и языка. И если в особых частях страны (например, в Грузии и Армении) удалось сберечь древнюю письменную культуру, то татарам, как и другим мусульманским народам, довелось пережить несколько смен алфавитов и очевидных потерь...

Вот и конец 20-х гг. – эпоха латиницы-яналифа, когда издания на арабице,

включая периодику, более не подлежали хранению. Именно тогда библиотека обретет публичные функции, когда на базе мусульманской школы в национализированном Доме Асадуллаева будут созданы различные татарские культурно-образовательные институты, но уже советские: школа им. Нариманова, детский сад, детский дом, редакции, рабочий клуб и театр, библиотека. Фонды библиотеки постоянно росли. В справочнике «Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1927 год» удалось обнаружить следующую информацию о библиотеке: Центральная библиотека тюркских народов. 4500 томов. Заведующий Агеев Ахмет Хафиз. Таким образом, и в ранне-советской Москве представители образованной семьи книжников Агеевых продолжали заниматься библиотекой, пусть теперь и не своей частной, а публичной.

...Традиции возродились уже в наши дни после долгих десятилетий вынужденного упадка. И символично, что среди первых гостей вновь открытой осенью 2004 года татарской библиотеки были её прежние довоенные читатели – Рауза Ахмедовна Кастрова и Ильсияр Абдуллоевна Шамсутдинова, помнившие Джалиля и его современников. Амина Хусаиновна Губайдуллина и Амния Азизовна Байбурова (а ей сейчас уже 93 года), также проведшие детство на Большой Татарской, делились своими воспоминаниями о былой жизни Замоскворечья. Замечательно, что все их воспоминания удалось зафиксировать. И пусть от прежней библиотеки осталась лишь название и память, но сам факт такой символической связи времен придавал новой сложной затее энтузиастов трогательную и романтическую уверенность в своих силах.

Рауза Кастрова была и последним свидетелем, участником легендарного литературного кружка Мусы Джалиля. Она вспоминала, что кружок посещали люди разного опыта, многие приходили после заводских смен, работы на «Метрострое». Большинство участников кружка были мишарями или касимовскими татарами, не владели литературным языком, поэтому Джалиль особое внимание уделял обучению их стилистике, правильному произношению. Участники кружка готовили небольшие тексты, репортажи, сочиняли стихи; на заседаниях кружка всё коллективно и неформально обсуждалось. Немаловажно, что Джалиль являлся в 1930-е годы редактором татарских периодических изданий, выходивших в Москве на яналифе, и часто

печатал рабкоров. Все участники кружка тепло относились к нему, считая его не ментором-наставником, а скорее старшим товарищем. Муса Джалиль приглашал на заседания своих друзей – Ахмеда Ерикеева, пролетарского поэта Мансура Крымова, почти забытого ныне писателя Махмуда Максуда. Непременной участницей жизни кружка была библиотекарша Асьма Бакирова, чьи воспоминания о Джалиле собрал в начале 1990-х гг. московский журналист Афиятулла Кучушев. По существу, кружок при библиотеке был местом встречи московской татарской молодежи под руководством неформального обаятельного лидера – Мусы Джалиля.

Потом библиотеку ждал и новый перевод татарской письменности – на кириллицу в 1939 году. Все это вновь потребовало пересмотра фондов, списания значительного количества книг... Конец 1930-х гг. был ознаменован сворачиванием различных направлений национальной жизни, особенно за пределами национально-административных образований. Активная жизнь рабочего клуба, школы и библиотеки более не существовала здесь дольше – до самого начала войны, лета 1941 года. К сожалению, остается неясной судьба фондов библиотеки, нет точных сведений о количестве книг на 1941 год. Ведь лишь в 1939 году книги на татарском языке стали издаваться на кириллице, и таких изданий еще не было много (издания на яналифе и книги репрессированных авторов должны были быть списаны). Фонды отдела национальных литератур московской Некрасовской библиотеки стали комплектоваться лишь с начала 1970-х гг. и книг из закрытого татарского клуба там нет.

... Лестницы, коридоры и комнаты Дома Асадуллаева наводят на воспоминания, пусть и не на такие давние, как у старейших представителей общины. Каждый помнит свой первый приход в Малый Татарский переулок. И отраднее, что татарская библиотека притягивает не только москвичей-старожил, но и молодых наших земляков, уроженцев Татарстана, Башкортостана, желающих найти место в Москве, где звучит родной язык и живут татарские книги.

А живут книги, когда их читают. В очевидности этой аксиомы убеждаюсь, поговорив с заведующей библиотекой Зульфией Хабибуллаевой. Узнаю, что на абонементе читатели спрашивают не только казанские новинки, но и прозу маститых писателей советского времени – Амирхана Еники, Гумера Баширова, Абдурахмана Абсалямова, Мирсая Амира. В фонде библиотеки весьма полно представлены книги наших классиков XX века, включая и переводные издания. Это важно, учитывая нынешнее пробуждение интереса к татарской советской литературе. Есть давняя писательская слава, привязанность, читательская память, но и новые проекты формируют особый интерес и даже ажиотаж к давно изданной прозе. Вышел в Татарстане нашумевший телесериал по роману Абсалямова «Белые цветы», успели в Казани оперативно выпустить новое издание романа – и в московской библиотеке спрашивают знаменитую книгу. Или другой показательный пример – после умело проведенного в Казани и в Москве юбилея Аяза Гилязова, появления литературоведческих статей Милеуши Хабутдиновой, москвичи устремились к только что вышедшему пронзительному роману-воспоминанию писателя – «Давайте помолимся». Разумеется, особые имена для библиотеки – Тукай и Джалиль, их стихи

для детей. Многие читатели приводят своих детей в различные группы и студии Татарского культурного центра, где часто готовятся поэтические программы.

Очень важно, что среди друзей библиотеки и наши современники, творящие рядом с нами, выступающие перед читателями. Не только новые книги Рината Мухамадиева, но и его давно любимые читателями произведения, изданные на татарском и в переводе, не лежат на полках, а живут и путешествуют. А ведь лишь живые книги склонны устремиться в дома читателей, к людям разного возраста и опыта.

Из СМИ (включая нашу газету), благодаря ресурсам Интернета люди узнают о новых изданиях – художественных и научных, спрашивают и зачастую ждут в очереди, если книга нашумевшая. Это реалии библиотеки.

Особая часть фонда – историческая литература. Чувство исторической памяти, интерес татар к своему прошлому – не фигура речи, а наблюдение за повседневной жизнью библиотеки, за интересом к монографиям и научно-популярной литературе. Знаю от Нурзиды Чанышевой – первого заведующего и основателя библиотеки, что значительную часть фонда на раннем этапе составили художественная литература из личного собрания генерал-полковника Расима Акчурина и научные малотиражные монографии, принадлежавшие видному московским ученым – тюркологу Эдхаму Тенишеву и германисту Абдулхану Ахтамзяну. Мне доводилось встречать здесь книгу с владельческой печатью профессора Тенишева, на принадлежавшей ему старой монографии Р.И. Нафигова о Муллауре Вахитове. Часть книг из собрания Тенишева передала его вдова Елена Александровна, но основа его уникальной коллекции находится в Национальной библиотеке Республики Татарстан.

Любопытно выглядит экслибрис Абрама Каримуллина (1925-2000) на форзаце его издания «Книги и люди» 1985 года, подаренного кинорежиссеру Юлдузу Карамышу и от неё поступившего в библиотеку. Экслибрис (изображающий индейскую женщину на фоне мексиканской пирамиды) напоминает об увлечении Абрама Каримуллина модной в 80-е гг. гипотезой о связях тюрков и индейцев.

И совсем личные впечатления. Всегда меня восхищали проекты, когда с чистого листа создаются полезные для людей институции. Так совпало, что читаю сейчас мемуары Маргариты Ивановны Рудомино (1900-1990) – основателя и многолетнего директора известной всем Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы. Маргарите Рудомино еще при жизни называли «великим библиотекарем», а ныне её детище носит имя своего основателя. Примечательно, что все началось в 1921 году с одного шкафа с книгами-учебниками, который юная Маргарита привезла из Саратова в Москву.

Примерно так, пусть и в иных масштабах, началось книжное дело в Татарском культурном центре. На сегодняшний день в фонде библиотеки более 5000 книг на татарском и русском языках. А 14 лет назад все книги находились в одной небольшой комнате, бывшем классе колледжа МИД, только выехавшем из Дома Асадуллаева. Тогда же библиотека стала вести учет читателей-ветеранов войны и труда, которые и поныне здесь уважаемые гости.

Хорошо помню это время, когда известные лишь по библиографиям, малодоступные прежде татарские книги стало возможно не только впервые воочию увидеть, но и взять на абонементе. Нурзиды Чанышева руководила библиотекой десять лет, и рубежным здесь стал 2008 год. Тогда открылись два обновленных зала – абонемент и читальный зал. Реконструкция, капитальный ремонт, оснащение и покупка специальной мебели удалось осуществить благодаря помощи ОАО «Татнефть». Тогда же у библиотеки появилось большое количество добровольных помощников, актив читателей. Все это продолжилось и после 2014 года, когда библиотекой стала руководить известная и любимая московскими татарами певица Зульфия Хабибуллаева.

Причудливая история этой библиотеки во многом повторяет сложный путь московской татарской общины. Став в последние годы важной московской культурной площадкой уже не только общинного характера, татарская библиотека стала украшением города. А чтобы она жила и дальше, надо стать её читателем.

за медицинскую помощь в полевых условиях.

После ординатуры при Республиканской клинической больнице имени Куватова (г. Уфа) был направлен на работу в таежный пос. Тирлян, а позже в г. Белорецк, где получил огромный практический опыт настоящего земского врача, выполняя работу терапевта, стоматолога, травматолога, хирурга, окулиста, психолога. В Белорецке встретил свою будущую жену Эльвиру – студентку мединститута.

Свой путь офтальмохирурга Амир Юсупович начал в 1980 г. в Уфимском НИИ глазных болезней, где совместно в то время ещё никому не известным Э. Мулдашевым и другими молодыми учеными был предложен принципиально новый пересадочный материал «Аллоплант». Из-за того, что руководство НИИ воспротивилось инициативе молодых ученых, они вынуждены были перейти на работу в заводскую клиническую больницу

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Амира Юсуповича Салихова – известного офтальмохирурга, специалиста по офтальмопластической хирургии, доктора медицинских наук, врача высшей категории, заслуженного врача Российской Федерации и Республики Башкортостан знают и высоко ценят не только у нас на родине, но и в Египте, Бразилии, Мексике, США и ещё в ряде других стран. Он один из создателей уникального пересадочного материала «аллоплант» и основателей одноимённого Всероссийского центра глазной и пластической хирургии «Аллоплант» (г. Уфа). В настоящее время работает в Центральной клинической больнице РАН (г. Москва). Стаж работы более 45 лет, нагрузка – около 400 операций в год и всего более 15 000 операций.

Амир Салихов родился 3 сентября 1948 г. Белорецком районе Башкирской АССР, в одном из поселений закрытого типа в семье репрессированных труженников села. Родители работали на лесозаготовках и подсобном хозяйстве. Он и по ныне очень тепло отзываясь о своих воспитателях и учителях, которые отдавали все свое время и душу молодому поколению. После обязательных уроков привлекали детей к художественному и техническому творчеству, проводили конкурсы, олимпиады, спортивные соревнования, в увлекательной форме подводили к углубленному изучению математики, физики, химии, биологии. Дети были по-настоящему увлеченными, дружными и особо не горевали из-за тяжелого быта и ограничений свободы.

Благодаря своим учителям и трудолюбию Амир поступил в Башкирский государственный медицинский институт им. 15-летия ВЛКСМ, который успешно закончил в 1972 году. В студенческие годы увлекался спортивными походами и вместе с друзьями из ДСО «Буревестник» прошёл десятки сложных лыжных и пешеходных маршрутов практически по всем географическим районам Советского Союза. Неоднократно был призёром и победителем чемпионата СССР по туризму, получил звание кандидата и фактически выполнил норматив мастера спорта СССР. В студенческие годы и позднее был активистом контрольно-спасательной службы (КСС), в которой отвечал

№ 10 г. Уфы, где их идею поддержали и выделили целый этаж. Этот самый продуктивный и счастливый период жизни дружного коллектива ученых – офтальмологов был показан в известном документальном фильме А. Габриловича «Формула Света».

В результате многолетней успешной работы творческий коллектив ученых-офтальмологов в 1990 г. из отделения заводской клинической больницы был преобразован во Всероссийский центр глазной и пластической хирургии, директором которого был назначен Э.Р.Мулдашев, а заместителем директора по клинике – А.Ю.Салихов.

А.Ю. Салихов – автор более 150 научных работ, изданных в России и за рубежом, 14 изобретений, около 50 других новаций, а также серии новых операций с использованием биоматериалов «Аллоплант». Результаты его научных работ отмечены медалями ВДНХ СССР, золотыми медалями международных выставок «Болгария 85 (Пловдив)» и «Инвекс 86» (Брно).

В 1996 году А.Ю. Салихов защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Хирургическое лечение рака век с использованием аллотрансплантатов серии «Аллоплант», а в 2004 году – докторскую диссертацию на тему: «Первичная пластика биоматериалами Аллоплант в офтальмоонкологии».

Жена Амира Юсуповича Эльвира – тоже известный медицинский работник, организатор здравоохранения. Ее кандидатская диссертация до сих пор используется как основной источник данных по статистике заболеваемости и травматизма в России и странах СНГ. У них два сына, старший – Эльдар, выпускник Башкирского государственного медицинского института, продолжатель профессии отца хирург-офтальмолог, работающий в Москве в Больнице им. С.П. Боткина, и младший – Тимур, выпускник МГУ имени М.В. Ломоносова, специалист-востоковед. С 2008 года семья Салиховых проживает в Москве.

Амир Юсупович Салихов является ярким представителем интеллигенции татарского народа и активно участвует в мероприятиях, проводимых татарской общиной Москвы, Казани и Уфы.

Борис Хакимов, доктор экономических наук

СЫН председателя

Детство Рифа проходило в тяжелые военные годы. Отец, к счастью, хотя и раненным, но все же вернулся с фронта, начал работать председателем колхоза, и его детям сравнительно легче было преодолевать жизненные испытания. С поддержкой отца Риф смог получить среднее образование в Тумутукской школе. Потом вуз...

Кажется, как будто произошло все это только вчера, а ведь пролетело более полувека. 1964 год... В то время он руководил комсомольской организацией колхоза «Авангард» Азнакаевского района и был приглашен в обком ВЛКСМ для обмена передовым опытом работы. А в 1965 году Рифа Сайфуллина, молодого, перспективного специалиста, окончившего Казанский государственный ветеринарный институт имени Н.Э. Баумана, избирают первым секретарем Азнакаевского райкома ВЛКСМ.

В 1968 году его призвали в ряды Советской Армии, где он в звании старшего лейтенанта был командиром учебно-строевого взвода.

После возвращения из армии Р. Сайфуллин долгие годы работал главным ветеринарным врачом района, руководителем межхозяйственного племобъединения и был всегда лидером в своей отрасли по всем показателям. В 1978 году Коллегия Министерства сельского хозяйства присвоила учреждению Азнакаевского района, где руководителем был Риф Гайфуллович, звание «Лучшая ветстанция ТАССР в 1978 году». Наградили дипломом I степени, а Рифу Гайфулловичу вручили Почетную грамоту Минсельхоза СССР.

Ветеран труда Р. Сайфуллин и на заслуженном отдыхе не сидит сложа руки. Он долгие годы был членом Территориальной избирательной комиссии Азнакаевского района и награждался Почетной грамотой Центральной избирательной комиссии республики. А сегодня является членом участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса от КПРФ, секретарем горкома по делам ветеранов.

Риф Гайфуллович с супругой Гуль Мухаметовной, работавшей преподавателем русского языка и литературы в школах города Азнакаево, живут в радости и достатке в окружении детей и внуков. Лето они проводят всегда в родной деревне Куктяка у реки Ик. Отчий дом близок сердцу: свежий воздух, сад-огород, цветы и своя пасека...

Хаким ГИЛЯЗОВ, член Союза журналистов РФ, ветеран труда.

г. Азнакаево

Габдель Махмут

Габдель Махмут (Махмут Касимович Абдуллин) – писатель (прозаик, драматург, публицист), член Союза писателей РФ, участник Международной конференции писателей севера (г. Салехард, 1996 г.).

С 1997 года его произведения включены в школьные программы по литературе в Ямало-Ненецком автономном округе и Тюменской области. Габдель Махмут стал первым писателем в ЯНАО, по произведению которого ГТРК «Ямал» сняла телевизионный фильм для школ округа...

Его творческий девиз: писательскому перу все подвластно: «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести» (Ярослав Смеляков).

Кумиры в жизни и творчестве: Эрнест Хэмингуэй, Максим Горький; из татарских писателей - Муса Джалиль и Габдулла Тукай.

Родившись в сибирской таежной глухомани, окончив татарскую школу, воспитанный полуграмотными родителями-селянами, общаясь только на родном сибирско-татарском вплоть до окончания десятилетки он стал русскоязычным писателем. Редкий случай, не правда ли...

Габдель Махмут, будучи мастером-рассказчиком в традиционных жанрах художественной прозы, вдруг предстает смелым изобретателем в неожиданных для нашего времени формах, как сказание, легенда, притча.

Известный российский литературовед Владимир Еременко так отозвался о нем: «У Махмута есть то, без чего человеку не стоит отправляться в трудное и опасное литературное плавание – биография и талант. Габдель Махмут, будучи мастером-рассказчиком в традиционных жанрах художественной прозы, вдруг предстает смелым изобретателем в неожиданных для нашего времени формах, как сказание, легенда, притча.

Известный российский литературовед Владимир Еременко так отозвался о нем: «У Махмута есть то, без чего человеку не стоит отправляться в трудное и опасное литературное плавание – биография и талант. Габдель Махмут, будучи мастером-рассказчиком в традиционных жанрах художественной прозы, вдруг предстает смелым изобретателем в неожиданных для нашего времени формах, как сказание, легенда, притча.

У писателя большие творческие планы. Он писал и полон творческими планами писать о свих земляках-северянах, о родном сибирско-татарском народе и таежной родине, о тех, с кем делил горести и радости по жизни: о буровиках, строителях, моряках-пограничниках...

Сыны Отечества

(сказание)

Покрытые пылью долгих дорог, три джигита прискакали к священному озеру Зооркуль со стороны величественных синих гор Бииктоу. Свернув к яру, по зыбучему, расползающемуся из-под конских копыт песку спустились к озеру. Не спеша подвели своих усталых иноходцев к воде. Привязали их к лежащему на берегу топляку - после долгой скачки разгоряченным им водопой опасен, а сами, пока отходили и стлы скакуны, сняли с седел бурдюки, размеренно подошли к озеру. Отдав долгие поклоны богу дня Тенгре, стали наполнять свои походные запасники студеной в это время водой.

Старший из троих первым черпнул в горсть озерной воды, глотнул, ополоснул горло, выплюнул:

- Уже холодная, зубы сводит, - оглянулся по сторонам, продолжил. - Скоро зима, сыны отечества, пора обсудить планы на дальнейшую жизнь. Все сильней и коварней наш враг иноземец Азар-хан. Нынче едва удалось сдержать его вероломный натиск. Когда-нибудь он вернется снова с тем же, кипящим в мозгах уже, злым умыслом. Можем не устоять. И погибнет род Алкар-шаха, отца вашего. Что скажете, сыны-наследники, Олгар и Улгар?..

- Ты прав, шах-отец, - после короткого раздумья поддержал разговор старший из сыновей, Олгар. - Наши соседи все медлят, не хотят объединяться с нами. За высокими горами они считают себя недоступными для внешних врагов. Сколько раз седлал я своего иноходца в ту сторону гор с посланьем твоим поддержать нас по-соседски. Но не понимают там, что такая же участь постигнет их самих, когда враги повернут нас... По тому, как начал разговор, полагаю, у тебя назрело предложение, шах-отец?..

- Сперва я хочу выслушать вас, как поступали предки, как делает это совет старейшин-аксакалов. За вашими спинами тысячи семей соплеменников, подданных падишахства. Ты говори, Улгар, младший сын.

- Как себя помню, отец, ты учил нас убеждать склонять к себе спорщика, независимо, соперник или противник он. Но против мечей не находится

Худ. Рушан Шамсутдинов

речей, когда занесены они над головой. Считаю, пора всем горцам встать под одно знамя. Кого не примет слово, тех надо убедать силой. Кочевники быстро сговариваются, и через годы их будет тысяча туменей - нам не выстоять. Неволья не для горской крови. Кто не погибнет в бою, порешат с собой сами - кинжалы есть у каждого стоящего на ногах. Такой доли не хочу я племени нашему...

Тяжелый это был разговор. Надолго умолкли отец и сыновья Алкарские. Каждый обдумывал, искал из десятков решений то, что должно вселить светлую надежду гордому племени горцев, где правил старший из собеседников. Вот и бурдюки давно наполнились студеной водицей, ичиги джигитов стали набухать от проникавшей холодной влаги, а они не смели шелохнуться - так крепко навалилась на всех ответственность за судьбу рода и народа, чем неожиданно озадачил старший. Народ в эти дни ликует, празднует, по праву, победу над коварным нашествником. Именно в такой бы

час прийти и высказать ему суд свой, ведь в радости народ примет любой призыв.

И вот что сказал сыновьям Алкар-шаха:

- Трудно мне решать за вас судьбу вашу. Но, видать, другого выхода нет. Воевать с соседями, даже с благой целью, нам не к лицу - негоже нам уподобляться дикому степняку Азар-хану. Кровь и слезы соседей не спасут дела. Вот что я предлагаю, сыны Алкарии. Если не примете, вынесу на совет старейшин...

...Посмотрите, куда я вас привел. Эти священные воды Зооркуль пополняются двумя большими реками Ак-су и Бунай-су. Отсюда же вытекают воды нашей Курай-су... Как отец и мать питают чадо свое... Воды этих трех рек родственны, и все земли, где они протекают, для нас не чужды, должно. Если вам отправиться со своими племенами вверх по рекам, что наполняют это священное озеро, у вас всегда будет возможность вернуться по одной и той же воде до берегов своих

предков. И нам нетрудно будет наладить отношения и поддерживать друг друга - через те же праздники общие, свадьбы межплеменные, обмен товарами. На новых землях вы жените наследников на инородках и будете множить род свой во много крат быстрее. И никто не одолеет, не растопчет имена наши, стоит нам собраться друг у друга. Так род наш станет больше в короткий, в два поколения всего, отрезок времени...

За отцово предложение оказался старший, поднявший меч без раздумий. Он был опытной, жил своим тейпом, в собственном дворце-крепости. Младший был наследником трона, поэтому жил при дворце шаха Алкарского... Но о судьбе рода своего ему также забывать нельзя. Жизнь близких дороже своего благополучия, а будущее народа пока остается в неизвестности, и от голоса младшего в равной степени зависит общий выход... Улгар покорно пригнул голову, хотя руку с мечом не поднял, как это сделали старшие, сказал:

- Из троих двое уже приняли решение, мне остается покориться. Не надо откладывать до суда старейшин, иначе нам придется вернуться. Ведь не зря же привел ты нас, шах-отец, к святому источнику?..

Отлегло от сердца у Алкар-шаха:

- Я горд, что воспитал вас настоящими сынами Отчизны своей. Возвращаться отныне мне придется одному, как бы это ни было тяжело мне. Вы поскачете на те земли, откуда текут реки Бунай-су и Ак-су. Скачите до тех пор, пока не найдете мест, где не ступала нога человека. Выберете уголок, где можно будет укрепиться, где найдете удобное для обзора и выгодное для обороны место с богатым на промысел и строительство. Отстройте себе добротные дома, лишь затем можно будет вам пуститься в обратный путь за своими семьями. К тому времени и у Улгара будет невеста - подберем такую, что пойдет за мужем своим в огонь и воды холодного края.

Трое родственных душ закрепили уговор по обычаю своих предков: прикиши головами друг к другу, руки с оголенными мечами доверительно положив на плечи друг друга, пошли кружить в ритуальном движении по кругу. А голоса их все стройней и громче зазвенели над озером. Когда закончились слова общей песни-клятвы, метнули мечи в одну точку посередине и, ни слова больше не произнося, отвязали скакунов, отскребли, отмыли от пыли, вдоволь напоили животительной влагой священного озера, молча оседлали и стегнули их нагайками. И поскакали каждый своей дорогой: Алкар-шах на юг, на родину, сын Улгар - на север, Олгар - на запад. Оба в далеком неизвестности на новые земли, навстречу новой судьбе...

Жизнь показала, что верное решение приняли в тот раз отец и сыновья Алкарские. Не исчез, не растворился ни в ком этот народ и сам род мудрого горца Алкар-шаха - сыновья продолжили множить славу предков на новых землях и от них пошли два новых родственных народа. В будущем они вошли дружными и трудолюбивыми народами, на добрую зависть соседям, на черную - врагам...

Луиза Янсуар

* * *

Я в пригорнях у вечности тону
Листком невинным - пью осенний холод
За век до осени.
Я знаю, почему
у горизонта краешек отколот.

И почему в прозрачной мгле озер
Колблет ветер перистые тени,
И музыка свой трепетный узор
Плетет из нитей моего томленья.

И дождь бросает оземь небеса,
Весну и осень спутав и размыв.
Та чистота, что слепит мне глаза,
Бывает лишь от снега и зимы.

Ведь нам еще не время?
Почему ж
Вокруг лишь развороченные скалы?
...И в вечности спасительную тьму
Листком невинным тихо упала.

* * *

Упал на сердце, не излился,
Едва не оборвался —
Вздых.
И огненной волной спалила
Мне душу
Новая любовь.

Слежу,
прижав к груди ладони,
За бегом солнечных лавин.
А в сопках тешитя —
Огонь,
Вздымаясь из земных глубин.

Слеза
предутренней росой
Застыла, тихо иструясь.
И в небо вырвалась грозой
Тобой разбуженная страсть.

* * *

Над горизонтом птичья песнь
И стай крылатых вереницы.
Коль мне не бороздить небес
На что Ты дал мне душу птицы,
Господь? И так тосклив их крик
В степных ветрах увековечен,
Что мне почудилось на миг -
Ты дал им души...
Человечьи?

* * *

В глазах моих смутные бродят тени -
Мучительной нежности, лютот боли.
Сбежишь ли в объятия инога плена,
Едва коснувшись моей ладони?

Я останусь чужою, безгласой птицей,
Обойду тебя сотней кружных дорог,
Побоявшись узнать, что во взгляде таится
(Твоём -)
Счастье ли (это)? Или (же)...Рок?

* * *

Ветры ночные сводят с ума,
Тропы ночные сбивают с ног.
И слепит мне душу колдунья-луна.
Какую же выбрать мне из дорог?

И будто беспечны мои шаги,
И заблудиться я не боюсь.
Но если мне голос скажет: «Гори!» —
В ответ я больше не отзовусь.

Переводы Айгель Гайсиной

Люди

1
Держись как можно дальше от людей,
Когда захочется людским теплом согреться.
Начнет метаться сердце — ты его
Сожми в руке, на то оно и сердце.
На все четыре стороны тоску
Развейвай. Пусть злomu языку
Не будет повода для болтовни досужей.
Невесту укради и никого не слушай —
Умчи ее за тридевять земель.
Живи под сводами просторной юрты.
Повесь в середине юрты колыбель.
Кроме твоей судьбы, не вняттен никому ты.

2
а люди любят смерть дразнить и приближать.
и ты — из их числа.
и я — не исключенье.
мы порознь с тобой исчезнем в той земле,
где наши иногда
пересекались тени.
поэтому и жду, ищу тебя кругом.
поэтому и ты
глаз не сомкнешь бессонных.
а люди так горды, пока не грянул гром,
длиной своих теней,
прямых и непреклонных.

Кто знает...

Есть множество вокзалов на земле,
Что ждут тебя. Но есть ли человек,
Который ждет? Что ж, если есть, к нему
Беги сквозь ветер ледяной и снег.

Оставь свой дом с погашенным окном.
Взгляд из вагона, как в последний раз,
На город брось. В нем кто-то будет жить,
Тобой дыша и за тебя молясь.

Тебе мигает с неба самолет,
Мерцает в темноте аэропорт.
Тебя забрало небо у меня —
Не отдает обратно до сих пор.

Или просторы северных морей
Зовут тебя и синие глаза
С отливом льда? Внутри одной любви
Нам, двойникам, прожить, увы, нельзя.

От края к краю, из конца в конец
Стремись — и теряются следы.
Мерцает и двоится образ Твой
Сквозь влагу набегающей слезы.

Перед началом долгого пути
Смотрю на город, словно в первый раз.
Да, кто-то провожал меня, как ты,
Но есть и тот, кто ждет меня сейчас.

Переводы Вадима Муратханова

Пророк МУХАММАД (салаллохи алайхи вассалам)

XADICBI

Смотри, ты ничем не можешь превосходить краснокожего или чернокожего, кроме как чистотой нравов.

Аллах подкрепляет Ислам и через мужей немусульман.

Как только муж смотрит на свою жену, и жена смотрит на своего мужа, Бог с благословением созерцает их.

Бог не сотворил ни одной болезни без того, чтобы определить лечение его...

Сердце людское подобно воробью — каждый день меняется семь раз.

Бог красив и любит красоту. Бог щедр и любит щедрость. Бог чист и любит чистоту.

Ваша вера становится ветхой как ваша одежда. Попросите Аллаха, чтобы обновил вашу веру в ваших сердцах.

Знайте: Самый зоркий глаз тот, что устремлен к добродетели.

Знайте: Самый острый слух тот, что внимлет словам для бодрствования сердца.

Знайте: Довольство и владение над (своими) телесными желаниями — величайшая чистота и непорочность.

Знайте: Ваше существо оценится только Раем и ничем, кроме Рая. Смотрите, не продешевите себя.

Знайте: Мудр тот, кто принимается за дело, тщательно обдумав и все предусмотрев.

Знайте: Незнающему не нужно стыдиться приобретать знания, ибо мера каждому — знания.

Пробудитесь! Пока (ваши) языки свободны и (ваши) тела здоровы, и в вашем распоряжении, арена широка, возможностей много, и смерть пока не наступила — действуйте!

Долг — это унижение.

Наилучшая дружба — есть дружба сына с друзьями своего отца.

Доброта — есть добрый нрав, и грех — есть те дела, о которых ты, может быть, думаешь, но считаешь непристойным, чтобы и другие знали.

Тот, кто порывает семейные (и родственные) узы, не войдет в Рай...

Вино — это глава всех грехов.

Пророк (саллалоху алайхи вассалом) сказал: «Да быть тому униженным, униженным, униженным». Спросили — «Кому?». Пророк сказал: «Тот, при котором родители достигали старости, но он (через служение им) не заслуживает рая».

Каждый, кто хочет, чтобы прибавилось к его уделу или его смерть была отсрочена, пусть посещает родственников.

Не враждуйте и не завидуйте. Не оставляйте друг друга. Будьте братьями, не дозволено ни одному мусульманину больше трех дней покидать (прерывать отношения с) своего верующего брата.

Избегайте недобрых подозрений, не разведывайте (в жизни друг друга), не оставляйте друг друга.

Счастлив тот, кому чужие судьбы — пример.

В распространении знаний скупость недопустима.

Каждое доброе дело — это милостыня.

Добрые дела предупреждают внезапную смерть.

Ученые являются хранителями Божьих дарований.

Рай (расстилается) у ног матерей.

Мумин не допускает расточительства.

Мумин — тот, кто жизни и имуществу людей не угрожает.

Каждый понедельник и четверг открываются врата Рая и Бог всем, за исключением идолопоклонников, прощает грехи, кроме грехов верующего, который враждует с другим верующим.

Стыд исходит от веры.

Имущество мусульманина подлежит неприкосновенности, как и его жизнь.

Тот, кто посещает больного, находится в Раю, пока не возвратится от него.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р. С.

Председатель редсовета. Президент Некоммерческого партнерства «Ватаным» («Мое Отечество»), академик Российской академии наук, почетный академик АН Башкортостана, Казахстана и Татарстана, кардиохирург

Алишина Х. Ч.

доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Асадуллин Р. М.

президент Башкортостанской организации «Ватаным», ректор Башкирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

Ахметшин Р. К.

заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в Российской Федерации

Володарская Э. Ф.

член правления «Ватаным», ректор Московского института иностранных языков, главный редактор журнала «Вопросы филологии», академик РАН

Давлетшин Г. М.

доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Мир-Хайдаров Р. М.

писатель, заслуженный деятель искусств РТ, почетный гражданин Казахстана

Нигматулин Р. И.

член правления «Ватаным», академик Российской академии наук, научный руководитель Института океанологии РАН

Рахим Теляшев

журналист-краевед, писатель-историк, заслуженный работник культуры РТ, г. Санкт-Петербург

Ренат Харис

лауреат государственной премии РФ (2006 г.), народный поэт Татарстана, член Совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации

Главный редактор
Ринат Мухамадиев

Исполнительный директор
Лейсан Ситдикова

Заместитель главного редактора
Марат Сафаров

Художник-дизайнер компьютерной верстки
Султан Каримов

Ответственный за распространение газеты
Ахат Мухамедов

Учредитель:

Некоммерческое партнерство содействия развитию институтов гражданского общества «Ватаным».

Газета зарегистрирована Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-18851 от 10. 11. 2004.

Адрес редакции:

115184, Москва, М. Татарский пер., д. 8.
Телефоны: (495) 951-16-94

E-mail: tatar.mir@yandex.ru

Подписано в печать

01. 12. 2018
Отпечатано в типографии
ООО «Фолук Групп».
Тираж 15 000 экз.

Лейсан Ситдикова

Крым на протяжении нескольких веков был источником вдохновения для многих художников. Всем хорошо известны работы Айвазовского, Куинджи, Коровина, Верещагина, в которых запечатлены красоты Крыма. Однако пейзажи Тавриды, как назывался Крымский полуостров после присоединения к России в 1783 году, и экзотический быт крымских татар привлекали не только отечественных художников. В Русском музее Санкт-Петербурга проходит выставка «Крымские виды Жака Кристофа Мивилля». В экспозиции можно увидеть девять пейзажей этого швейцарского художника XIX века. Картины представляют собой интереснейший топографический и художественный документ.

более частыми. В 1803 году на Кавказ и Крым вместе с известным архитектором Николаем Львовым был отправлен художник Иван Андреевич Иванов, который по сделанным в этой поездке зарисовкам значительно позднее написал живописные пейзажи. В 1804 и в 1806 году в Крыму побывал немецкий художник-пейзажист Карл фон Кюгельхен, получивший титул придворного художника при Павле I. Современники называли его «видописцем Тавриды».

Спустя десять лет в 1814-1816 годах путешествие Карла Кюгельхена повторяет швейцарец Жан Кристоф Мивилль. Некоторое время художник жил в имениях таврического гражданского губернатора Андрея Михайловича Бороздина, выезжая оттуда на природу. Во время путешествия по Крыму художник

не существующую деревню Мишкетку одушевлены человеческим присутствием. Это образы девушки-татарки и других простых деревенских жителей, занимающихся повседневным трудом. Чаще всего мы видим их со спины, сидящими на берегу моря или уходящими вдаль по тропе. Маленький человек противопоставлен величественной природе, сознает свою малость перед ней и вместе с тем и свою сопричастность этим необъятным просторам и величественным далям.

Жан Кристоф Мивилль родился в 1786 году в Базеле в семье богатого красильщика шелка. Художественное образование продолжил в Цюрихе, затем в Риме, куда был отправлен для усовершенствования мастерства швейцарскими меценатами. В 1809

КРЫМ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦА

Имя Жана Кристофа Мивилля, скорее всего, знакомо лишь специалистам. Небольшая экспозиция в Садовом вестибюле Михайловского дворца открывает наследие мастера XIX века, незаслуженно оказавшегося на периферии общественного интереса. Крымские пейзажи Мивилля отличает не только топографическая точность. В широкие и глубокие панорамные виды включены и архитектурные мотивы, и жанровые сцены, в которых отображен быт крымских татар. Но главное в этих пейзажах все же пушкинское «...и блеск, и тень, и говор волн» - разнообразная и благодатная крымская натура, сама по себе вызывающая большой эмоциональный отклик. Все это усиливается восприятием художника, передающим зрителю ощущение вечности красоты, своеобразный романтический космизм.

Интерес русского общества к землям Таврии и ее народам ярко проявился в XIX веке. Эта усилившаяся тяга к землям своей страны возникла еще во времена царствования Екатерины II. Первооткрывателем «крымской темы» стал русский пейзажист Михаил Матвеевич Иванов, который в январе 1780 года был отправлен на юг России под начало князя Потемкина. Он скрупулезно зарисовывал города и поселки Крыма. На основе этих рисунков художник издал альбом пейзажей. В 1787 году англичанин Уильям Хэдфилд сопровождал Екатерину II во время ее путешествия по недавно присоединенным землям и создал альбом акварелей «Путешествие по Крыму». В царствование Александра I поездки художников в южные земли становятся

Ж.К. Мивилль. Вид на Ай-Петри. 1817-1819.

сделал около 200 рисунков, по которым написал большое количество пейзажей. Всего в крымскую серию входило 40 картин одинакового размера: все они были приобретены в конце 1819 года графиней Анной Владимировной Бобринской - женой внебрачного сына императрицы Екатерины II и графа Алексея Григорьевича Бобринского. Из всех этих картин сегодня известно местонахождение 23-х. Самая большая их часть хранится в Русском музее. Полотна пронумерованы и надписаны, так что по этим надписям можно уточнить сюжет и проследить маршрут поездки художника по Крымскому полуострову. Мивилль тонко чувствует и мастерски передает поэзию природы Крыма: ее пленительные заливы, величественные горы, скрытые облаками, острые скалы и темные пещеры. Его живописные виды на Ай-Петри, Острую гору у Чуфут-Кале, Бахчисарай или ныне

прогрессивных методов образования и рисования.

Последнее десятилетие жизни Жан Кристоф Мивилль провел в родном Базеле (с кратким выездом в Париж), преподавал в художественной школе при дворе маркграфа. Писал, главным образом, пейзажи, издал альбом литографий с видом Базеля и его окрестностей. Он оставил богатое и разнообразное графическое и живописное творчество, которое сегодня главным образом находится в Художественном музее Базеля, часть работ хранится в музейных собраниях в России (в Русском и Пушкинском музеях), Украине и Армении. В последние годы творчество Мивилля привлекает все большее внимание исследователей и любителей искусства. 225-летию со дня его рождения была посвящена масштабная выставка на его родине.

ВНИМАНИЕ — ПОДПИСКА-2019

Уважаемые читатели!

Открылась подписная кампания на первое полугодие 2019 года. Оформить подписку на газету «Татарский мир» можно во всех отделениях «Почты России» по индексу П3735 в каталоге «Почта России». Также вы можете подписаться в режиме онлайн на специальном сайте Почты России podpiska.pochta.ru. Мы ценим и уважаем каждого нашего читателя. И впредь будем стараться сохранять многолетний статус газеты, стремясь к непредвзятому осмыслению истории татарского народа, культуры и современных проблем. Мы продолжим публикацию материалов в рамках постоянных рубрик: «Выдающиеся просветители», «Восточная мозаика», «Мир искусства», «Парадоксы истории» и многих других. Любителей литературы будем знакомить с произведениями современных татарских писателей и поэтов. Самым маленьким нашим читателям адресована рубрика «Балам-багалмам». Наша газета всегда предоставляет возможность авторам и читателям обмениваться мнениями, публиковать свои статьи, иллюстрации и комментарии к ним. Мы благодарны вам за каждый визит в редакцию, письмо или звонок. Ваша критика и помощь позволяют делать газету интересной, насыщенной и актуальной. **Надеемся на дальнейшее сотрудничество!**

